

**ИВАНОВ ЛАД
ДВЕ НЕДЕЛИ ПЕРЕД
НОВЫМ ГОДОМ**

Лад Иванов
Две недели перед новым годом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70184569

SelfPub; 2023

Аннотация

Жизнь человека определена его судьбой. Жизнь Родины определена его волей.

Лад Иванов

Две недели перед НОВЫМ ГОДОМ

Старьёвщик

– Лет пять такого снега не было. Жаль, что завтра утром всё это великолепие уже растает. Знали бы вы, как мне не хватает больших, колючих, искрящихся в свете фонарей сугробов... Добрый вечер. Ничего, что я под закрытие?

Ухоженного вида дед зашёл в магазинчик, аккуратно прикрыв за собой дверь. Стряхивая видимый снег с плеч чёрного пальто и незаметный с седых волос, он с улыбкой оглядел небольшую комнатку магазинчика.

– Вообще-то вы не под, вы над. Я уже собирался уходить, – так же улыбаясь, ответил продавец, бросая на кресло только было накинутый на плечо рюкзак. – Ну да ничего страшного. Вы что-то искали, подыскивали, разыскивали?

– Выискивал, – к явному удовольствию хозяина ответил посетитель. – Мне вас порекомендовал мой старый товарищ. Он заказывал у вас машинку.

Старик продолжал рассматривать уютные деревянные полки, заставленные старыми советскими игрушками, посудой, книгами, приборами, фарфоровыми статуэтками, часами и прочим великим множеством предметов украшения

жилища, развлечения, игр и профессиональной деятельности производства великого, давно не существующего государства.

– Что за машинка? Напомните, – спросил продавец, снимая и отправляя куртку на кресло поверх рюкзака.

– Кабриолет, красенькая такая. Там ещё гудок. Помните?

– А-а-а... Вовкина машинка. Редкая довольно. Их в основном синие выпускали.

– Почему Вовкина? – спросил посетитель.

– Была такая книжка: «Вовка Веснушкин в стране заводных человечков». Потом уже, воспользовавшись этой идеей, были написаны «Гарантийные человечки». Эта книжка стала более известной. Так вот у этого Вовки была очень похожая по описаниям машинка. Видимо, автор, Валерий Медведев, вдохновлялся этим продуктом советской промышленности.

– Боже мой, молодой человек, откуда вы всё это знаете? Вам ведь лет тридцать пять от силы, – удивлённо смотрел на хозяина посетитель.

Мужчина улыбнулся:

– Я практически живу тем временем... Да вы присаживайтесь. Рассказывайте, что вы ищете: пластинки, игрушки, водку, коньяк?

– Вы и алкоголем занимаетесь? – опять удивился гость, медленно опускаясь в низкое клетчатое кресло с высоким изголовьем.

– Не вполне официально и только для старых покупате-

лей. У меня есть несколько бутылочек московской водки, пара зубровки, настойки. Есть бутылка настойки «Отличная». Так она называлась. Тминная.

– «Отличная»? Не помню такой.

– Ну это в пятидесятых выпускалось.

– Пятидесятых. Я смотрю, у вас практически все товары сороковых или пятидесятых годов.

– Называйте их лучше экспонатами. Да, вы верно подметили. Моё самое любимое время. Время людей, переживших величайшую трагедию и оставшихся людьми. Мирная жизнь победителей. Не успокоившихся, а направивших свою неуёмную энергию на сверхдостижения: искусство, авиацию, космос, научные прорывы. Как говорит один мой друг: «время энтузиастов своего дела, эпоха людей с горящими глазами».

– Да... Эпоха...

Старик замолчал, откинувшись на спинку кресла.

– Вы на такси или за рулём?

– Почему не на метро?

– От метро идти минут десять. При таком снегопаде вы бы явились ко мне в виде сугроба. А поскольку вас слегка лишь припорошило, то я сделал вывод, что вы подъехали прямым ходом к магазину.

Старик рассмеялся.

– Ваш любимый актёр, наверное, Ливанов?

– Янковский...

– А у меня Олялин. Знаете?

Молодой человек кивнул, подумав про себя: "...хорошо начал, дед".

– Я хотел вам предложить пропустить по рюмке отличного коньяка. «Сюрпризный». Помните такой?

– Помню. И не откажусь. Я на автомобиле с водителем.

– Присаживайтесь в кресло, я сейчас.

Продавец достал из серванта початую бутылку, две вытянутые конические рюмки с тоненькими гранями и пододвинул второе кресло к лакированному столику со шпоновым мозаичным узором в виде букета.

– Знаете, что меня поражает в ваших «экспонатах», как вы говорите? То, что они все практически в идеальном состоянии. Да, пожухла бумага, поблекли цвета – это всё понятно. Время монотонно, час за часом, день за днём несло их по своей реке, в которой простые материалы человеческого обихода стареют столь же быстро, как и люди сами. Но я о другом. В них есть душа создателя, но нет души, дорожившей ими.

Вон в той коробке «пионерской» железной дороги нет ни одной помятой дужки фонаря. В наборе «автоконструктор» со сменными кузовами машинок для одного шасси нет ни одного скола, ни одной царапины. Маленькие друзья не кричали радостно, когда машинка на полном ходу попадала в аварию, врезаясь в башню из деревянных кубиков. Вон та «Москва-3», судя по всему, не сделала ни одного кадра. Ни-

кто никогда не чокался теми фужерами, сиротливо глядящими из своей картонной упаковки.

Эти вещи жили вне людей. Они не знали тех, для кого были созданы. Этих паровозов не касались мальчишеские ладони. Детские голоса не гудели смешным басом, имитирующим работу их двигателей. Кукол этих не пеленали и не укачивали по два-три поколения советских девочек. Наверное, ни одну из ваших книг не читал с гулко бьющимся сердцем ночью под одеялом с фонариком маленький пионер. Акустическая ткань радиолы не впитала запах маминого праздничного торта...

Хозяин внимательно, не двигаясь, слушал.

Старик вдруг умолк, задумчиво глядя на деревянный ящик с изогнутыми лакированными стенками.

– Что за радиола, кстати?

– Это «Люкс-2». Рижского завода.

– Постойте, а какого же она года?

– Пятьдесят восьмого... Вы чем-то расстроены?

– Пятьдесят восьмой... Нет, нет. Что вы. Просто не припомню такой модели.

Хозяин лавки с удивлением наблюдал за тревожным взглядом странного посетителя, бегущим по полкам и шкафам и придирчиво цепляющимся за детали старых вещей, и поспешил сгладить неловко-странную паузу в диалоге.

– Вы правы. Я всегда стараюсь находить вещи, которые были куплены и пролежали без надобности в коробке в чу-

лане много-много лет. Поверьте мне, их немало... Но радио-ла, которую вы заметили, не из таких. Это вещь, принадлежавшая моей семье. Так что она впитала в себя и запахи новогодних мандаринов, и дым бенгальских огней, и ароматы духов многих-многих лет. А выглядит так хорошо, потому что я реставрировал её. Чистил, покрыл шеллаком. Некоторые лампы поменял...

С лица старика сошло напряжение после этих слов.

Пригубив коньяк, продавец настороженно изучал лицо расслабившегося и осунувшегося собеседника.

– Вы так и не сказали, что ищете.

– Не сказал, – старик за какие-то мгновенья вновь стал собран и бодр. – Это нить сквозь всю мою судьбу. Переживание из детства, превратившееся в неосязаемую, сказочную мечту всей моей жизни. Вы, верно, будете смеяться. Необыкновенная, очень редкая игрушка. Космический корабль. Игрушечная ракета, раскрывающаяся на две половинки, внутри которой каюта для космонавтов, моторный отсек и зал управления.

– Что-то ничего не слышал про такую игрушку. А я-то в игрушках эксперт.

– Мне и самому порой кажется, что это лишь детский сон, перешедший с толчейей лет в воспоминания о былом наяву. Эти ракеты продавал на Палашевском рынке, в тупичке возле стены, один дед. Возможно, конечно, он сам их и делал. Но вряд ли. Игрушка была столь изумительно выполнена,

столь продуманна, с множеством мелких деталей. Она очень дорого стоила, и каждый раз, приходя с мамой на рынок за продуктами, я стоял в нескольких метрах от неё. Смотрел и мечтал, что этот космический корабль когда-нибудь станет моим.

За чужой мечтой

Гость с хозяином проговорили за полночь. Пару раз во время беседы за стеклом из потока снежинок выплывало настороженное лицо, заглядывало внутрь и сразу же ныряло обратно в темноту.

Когда и так затянувшийся разговор по интересам дошёл до своего финала, уже собравшись уходить и надев пальто, старик заметил:

– Странно. Мы так долго с вами разговаривали, обсуждали время, которое для меня – лишь смутные воспоминания ребёнка, а для вас и подавно всего лишь фантазии, основанные на книгах, фильмах и предметах. Так, наверное, и рождаются легенды. Мы с вами так увлеклись, что даже не познакомились. Павел Петрович.

– Александр, – ответил продавец, пожимая протянутую руку.

Павел Петрович, уже стоя на пороге, вдруг посмотрел на нового своего знакомого с оценивающей, невесёлой улыбкой:

– Знаете, на кого мы с вами похожи, Сашенька? На двух

безумцев, цепляющихся за осколки погибшей цивилизации. Мы мечтаем с наслаждением о далёких островах, сидя на палубе тонущего корабля. Я-то понятно. Я видел эти годы своими глазами. Да, я был несмышлёным ребёнком в сороковые, подростком в начале пятидесятых. Пусть я многого не понимал, многого не видел. Но я был на тех островах. А что вас-то влечёт на них? Неужели всего лишь романтическая дымка, которую вы создали своим воображением?

Саша улыбнулся:

– Вы несправедливы. Мне кажется, я в более выгодной позиции. Ваше сравнение неверно. Вы побывали там ребёнком, а сейчас живёте в нынешней Москве и лишь изредка окунаетесь в воспоминания. А я... Я и сейчас живу в Москве той.

Старик молча испытующе смотрел на него.

Тот вдруг рассмеялся:

– Конечно, живу. Посмотрите вокруг.

Павел Петрович улыбнулся.

– Как мне нравится разговаривать с вами, Александр.

– Взаимно. Скажите, а отчего вы считаете, что мы стоим на гибнущем корабле?

Старик, отпустив ручку двери, подошёл к огромным шкафам, полки которых были забиты книгами от пола до потолка.

– Вы же читали Стругацких, Саша? Тех изначальных искренних Стругацких. Ну конечно, читали... Помните цивилизацию Полудня? Пожертвование, стремление, воспита-

ние и труд как источник счастья в качестве скелета общества. Дружба и любовь как его душа. Цивилизация на грани сверхвозможностей.

Высочайший ранг учителя и целителя.

Там, где стремление познавать.

Там, где «хочу знать». Там, где «хочу понимать».

Помните?

Выйдите из вашего уютного магазинчика и посмотрите на мир за этой скрипящей дверью. Вы ничего не замечаете? Вокруг точная противоположность. Отражение в чёрном зеркале. Мир, по сравнению с которым Арканар или ефремовский Торманс – верх человечности.

Перечислите на память десятков самых известных людей, занимающих сейчас умы от ребёнка до человека вполне уже зрелого. Среди них нет великих учёных, исследователей, путешественников или зодчих. Среди них нет ни учителей, ни врачей. Ни поэтов, ни писателей. Люди, к которым привлечено внимание сегодня, собрали в себя всё самое мерзкое, самое тошнотворное. Мир купается в грязи. Мир, сошедший с полотен Босха. Выплесни через экран извращение – и вот у тебя уже толпа подписчиков, у тебя берут интервью, к тебе потоком стекаются деньги. Ты управляешь теперь чужим сознанием. А кто-то управляет твоим. Вот она, нынешняя цель присвоения. Вы знаете, я атеист, но когда читал откровение Иоанна Богослова, у меня по спине бежали мурашки от его слов о чаше с нечистотами в руках блудницы, расплзающи-

мися по миру.

Вы окружили себя старыми вещами, Саша, не потому, что они красивы, не потому что они не наштампованы в бесщёдном количестве в течение часа, но хранят в себе души создателей своих. Это всё так. Но в вашем случае дело совсем в ином. Вы создали вокруг себя декорации. Иллюзию иного мира. Мира, который лучше нынешнего. Где были дружба и любовь. Где был подвиг. Где было наслаждение трудом. Вы читаете старые книги, смотрите старые фильмы, и это даёт вам возможность сделать вдох. Только вот мир за стенами вашего магазина от этого никуда не девается.

А ведь наша земля могла всего этого избежать. Мы слишком близко подошли к грани чёрного зеркала. Любовались его красивой поверхностью. Рассматривали с интересом, необычных для нас прежних, созданий в отражении. Таких антимы. Мы захотели прикоснуться к этому вырождению. Оно увлекало нас. Мы споткнулись и сами не заметили, как очутились по другую сторону стекла. Один неверный шаг в истории, и мы стали противоположностью прежних себя. В один миг возвращённые, взлелеянные советской родиной мыслители, писатели, поэты, режиссёры начали поливать свою мать помоями.

Это корабль не просто гибнущий, Саша. Он уже мёртв. Мы с вами плывём на летучем голландце, всё ещё считая себя живыми.

– И какой же выход?

– Выхода нет. Вернее, я не знаю такого человека и представить себе не могу того, кто обладает инструментом для исправления. Разве что уничтожение и запуск цивилизации с нуля... Жаль, что наш занимательный разговор закончился на такой ноте.

– Я постараюсь разузнать что-нибудь о вашей игрушке, Павел Петрович.

Старик кивнул и молча подал на прощание руку.

Выйдя на улицу, Павел Петрович, не оборачиваясь и не спеша, направился под снегом к своей машине. Александр подошёл вплотную к стеклу и смотрел вслед необычному посетителю. В белом свете фонаря из снежинок вынырнули два человека. Один из них услужливо открыл дверь автомобиля, старик скрылся внутри, и оба охранника поспешили в припаркованную за хозяйской машину сопровождаемая.

– Понятно, почему тебе всё опостылело, – улыбнулся продавец. – Ехал бы уж на старости лет куда-нибудь в деревню от всего этого.

На следующий день он вошел в свой магазинчик сильно раньше обычного. Привычно заскрипела старыми заржавленными петлями дверь. Александр недовольно поморщился и полез в шкаф за баночкой смазки-спрея. Хватит месяца на полтора, а потом опять начнёт скрипеть. Обильно покрыв петли аэрозолем, он закрыл дверь на замок изнутри и направился в маленькую комнату позади основного торгового

го зала, служившую ему и кухней, и мастерской, и рабочим кабинетом.

Его не оставляло тревожно-радостное чувство, щекочущая воронка в животе, словно в детстве, когда катаешься на больших качелях или ждёшь в предвкушении, накануне дальней поездки. Ночь прошла в какой-то беспокойной полудрёме. Мозг, не слушаясь повелений уставшего тела, раз за разом прокручивал события вчерашнего вечера и разговор со странным посетителем.

Пройдя в свою подсобку, Саша налил было в кружку чай, но, посмотрев на своё отражение в дымящейся поверхности, вылил вдруг содержимое в раковину.

Здесь-то зачем?

Он аккуратно отодвинул потёртую лакированную тумбу от рабочего стола и, поддев стамеской, открыл тяжёлую деревянную крышку люка в полу, ведущего в подвал. Закрыв изнутри железную дверь в подсобку на засов, Александр надел на лоб фонарик, включил его и начал спускаться по стальным скобам, вбитым в стенку лаза. Метра через три шахта заканчивалась, выходя в небольшое помещение со сводчатым потолком в два шатра и полом, выложенным кирпичом в тычок.

Спрыгнув на пол, Саша потянулся под потолок, закрутил в патрон слегка вывернутую лампочку и с улыбкой оглядел пустое подземное помещение. В центре пола чёрной круглой дырой зиял колодец с буртиком в полкирпича. Возле самого

его края сиротливо стояла табуретка.

Подойдя к краю подземного колодца, Саша по обыкновению посмотрел вниз, словно не знал, что он там увидит. Такие же стальные скобы уходили бесконечной чередой далеко вниз и терялись в черноте, которую уже не мог одолеть налобный фонарик.

В который раз уже он спускался сюда, но тянущее чувство в груди было столь же сильно, как и в самые первые походы. Разве что страха теперь никакого не было.

Разувшись и раздевшись донага, Саша аккуратно сложил вещи на табуретку, выкрутил лампочку, выключил и положил поверх одежды налобный фонарик и принялся спускаться вглубь в абсолютной темноте.

Встав на дне колодца босыми ногами на сырой утоптаный глиняный пол, он поёжился от холодного сквозняка и, аккуратно касаясь стены, в абсолютной черноте пошёл по коридору. Вскоре его рука нащупала одну из скоб другого колодца, ведущего наверх. Наступать голыми ступнями на тонкий ребристый металл было больно, но неудобство это ничего не значило по сравнению с той наградой, что ждала наверху. Поднявшись, Саша нашарил в темноте под потолком патрон с двухсотваттной лампой и так же, как недавно, закрутил её до конца. Щурясь отвыкшими от света глазами, торопливо начал одевать аккуратно сложенную на табурете одежду. Натянув носки и зашнуровав ботинки, он снял висевший на крючке у стены прямоугольный фонарик, вклю-

чил его, зажал в зубах ремешок, торчащий сверху, выкрутил из патрона лампу под потолком комнаты и полез наверх. Выйдя в своей подсобке, Саша повернул выключатель, аккуратно закрыл люк и поставил на место новенькую, сияющую лаком тумбу.

Сняв с вешалки полушубок и шапку, он аккуратно оделся, стоя перед зеркалом и улыбаясь своему отражению, втиснул ноги в холодные валенки и открыл засов двери.

Саша, протискивался среди пустых ящиков, занимавших практически весь торговый зал его магазинчика от пола до потолка.

Ну что же, посмотрим, что там за ракета такая продаётся. Но потом. Сначала к Лизе.

Старый город

Подойдя к входной двери, Саша по обыкновению замер и прислушался. С улицы доносился мерный утренний шум большого города: хриловато-вибрирующий сигнал клаксона, далёкий смех, детские радостные крики. Щёлкнула кнопка фонарика, погрузив комнату в непроглядную тьму: оконные проёмы пока заложены кирпичом, и рамы на их месте появятся только много-много лет спустя. Упруго и плавно повернулся ключ, бесшумно раскрылась тяжёлая дверь, и Сашу оглушила смесь из множества звуков, холода и пронзительного солнечного света. Он вышел, запер за собой дверь и принялся, зажмурившись после темноты, разглядывать яркий разноцветный город. Такой знакомый и такой другой. Те

же улицы, те же здания. Немного непривычный, словно разглядываемый через только что отмытое стекло. Но это тот же самый город. Только люди другие.

Глаза слезились от искорок на морозном снегу. Всё вокруг радовало: резкий скрип под подошвами, сладковатый запах дыма, обжигающий дыхание ледяной воздух.

Как же хорошо возвращаться сюда. Гулять по просторным светлым проспектам. Разговаривать с людьми. Просто разговаривать. Это поразительно: вот уже больше двух лет он приходит в этот город, путешествует по этой стране, а так до сих пор не может привыкнуть, что практически к любому человеку на улице здесь можно просто подойти и заговорить. Просто начать разговаривать, и в подавляющем большинстве человек улыбнётся тебе и поддержит беседу или так же с улыбкой произнесёт: «извини, друг, спешу шибко».

Ну а теперь есть ещё одна причина.

С Лизой он познакомился больше месяца назад на Красной площади, на военном параде Седьмого ноября.

В тот день Саша стоял в празднично-возбуждённой толпе. Люди, вытянув шеи, внимательно смотрели в одном направлении.

Прокатился гул: на мавзолее поднималась вереница людей. Раздался рокот аплодисментов. Показавшись наверху, Сталин бодрым шагом прошёл по трибуне и несколько раз поднял руку, приветствуя народ.

Куранты пробили одиннадцать часов, заиграл оркестр, и

на площадь навстречу друг другу выехали четыре всадника. Генерал Артемьев подъехал к маршалу Тимошенко и начал доклад.

У Саши бежали мурашки по спине. Он детально разглядывал бессчётное множество архивных фотографий этого парада, несколько десятков раз пересмотрел кинохронику. И вот он стоит и видит всё вживую, в цвете, а не размытые чёрно-белые кадры. Слышит не хриплую, шипящую запись, а реальные голоса и музыку оркестра. Идя сюда, он очень волновался. Только он один в этой громадной массе людей знает, что сегодня последнее Седьмое ноября Сталина, что совсем скоро начнётся великая, поначалу незаметная, смена эпохи, которая определит путь народа, страны, да и всего человечества. Последний триумф вождя. Совсем скоро почти все, стоящие сейчас на мавзолее, примутся грызть друг друга. Страна ещё долго будет хранить в себе громадный импульс, развивая искусство, космос, промышленность. Она будет двигаться по инерции. Затухая, замедляя полёт свой и однажды поток сорвётся с могучих её крыльев. Но сегодня ещё всё хорошо. Сегодня есть ещё великое будущее. И никогда не сможет больше вернуться даже он, Саша, в этот день. «А потому смотри, смотри во все глаза и запоминай», – говорил сам себе турист из совсем другой страны, представитель совсем другого народа. И он смотрел, впитывая в себя каждую мельчайшую деталь. Он погрузился в события, происходящее сейчас, 7 ноября 1952 года здесь, на Красной площа-

ди города Москвы, столицы Союза Советских Социалистических Республик. Был поглощён, растворён в них. Проходит пять, десять, пятнадцать минут парада, и вдруг всё то, на что с таким вниманием смотрят сотни человек вокруг, становится ему не важным.

Зажатая толпой, совсем рядом стоит невысокая щуплая девчонка, одетая в сильно великое ей пальто. Она поднимается на цыпочки, пытаясь разглядеть происходящее на площади, но у неё ничего не выходит. Подтянув длинные рукава, она вцепляется в плечо высокой своей подруги, стоящей рядом. Она тянет себя вверх, используя ту как опору. На неё и смотрит высокий мужчина. Смотрит, забыв о параде, размышлениях своих о конце эпохи, и улыбается.

Слева от него расположена прямоугольная гранитная тумба, на которую забралось несколько человек.

– А ну-ка, друг, пусти-ка девчонку, – потрепав за локоть, говорит он ближайшему парню на тумбе и, схватив вдруг за подмышки пискнувшую от испуга девушку, втискивает её на самый краешек рядом с посторонившимся парнем, который придерживает её слегка за плечи, чтобы не упала.

Ровным строем проходят военные, звонкой дробью идёт кавалерия, подняв над собой сизое облако, проезжают автомобили. Над головой низко летят самолёты. Люди вокруг кричат «ура!». Саша тоже кричит. Кричит и девушка на гранитной тумбе. Они кричат и смотрят друг на друга время от времени.

По площади пошли колонны. Девушка тянет к нему руки.

Он снимает её, придерживав на руках чуть больше, чем необходимо, и ставит на землю. Чуть ближе, чем нужно. Она отходит от него на полшага. И смотрит, подняв вверх улыбающееся лицо.

– Спасибо, – он впервые слышит её голос и отчего-то те-
рится. Почему-то вылетают из головы слова, уже заготов-
ленные для первого знакомства.

– Пожалуйста, – отвечает он, густо покраснев.

Девушка замечает его смущение и заливается смехом.

– Лиза.

– Саша... Очень приятно, – ещё больше смутившись, го-
ворит он.

Громадная, в несколько тысяч человек, толпа спортсме-
нов с флагами, неся в голове портрет вождя, появляется на
площади.

– Физкультурники пошли! Пойдём. Надо выбирать-
ся, чтобы успеть сразу за ними! – звонко кричит девушка и,
схватив за руки Сашу и свою подругу, тянет их за собой,
протискиваясь сквозь толпу.

Медленно движется человеческая река, собираясь в узкое
русло. Но вот ток её ускоряется, расстояние между людьми
увеличивается, и уже мужчина и две девушки идут быстрым
шагом. Они проносятся у подножия мавзолея. «Ура-а-а-а!» –
раскатывается над головами.

– Ура-а-а! – в рёве толпы слышен звонкий крик Лизы.

– Ура-а-а! – стараясь заглушить всех вокруг, изо всех сил кричит Саша.

Они всё так же идут рядом, держась за руки, крича и не смотря друг на друга.

Весь тот день они гуляли по Москве. Болтали. Лиза рассказывала, что она учится на втором курсе литфака пединститута. Что приехала учиться из Свердловска, что живёт в общежитии. В общем, она постоянно что-то рассказывала и звонко сама смеялась над своими историями. Иногда она спрашивала о чем-нибудь Сашу и нетерпеливо дёргала его за рукав, когда он размышлял над тем, как же стоит ответить.

Лизина однокурсница Ира тактично сообщила, что у неё много дел и, поиграв глазами на прощанье подруге, направилась в метро.

Если бы она смотрела "Девчат", то непременно бы покашляла.

Саша с Лизой прогулялись почти до конца улицы Кирова. С неба срывались редкие снежинки. Было зябко. Девушка замёрзла, и они зашли в чайную. Пока стояли в очереди, она сняла шапку и, достав гребешок, начала расчёсывать свои блестящие русые волосы по плечи.

На вопрос Лизы, где он учится, Саша ответил, что уже не учится, а закончил Бауманку, что было правдой. И что работает инженером. Это уже было ложью. Саша представил себе, как посмотрит на него эта девушка, если он скажет ей, что работает продавцом. И тут вдруг он понял отца, глядевшего

год за годом на него с сожалением, когда беседа касалась работы сына. И когда он был менеджером по продажам, и когда занимался рекламой. Отец поощрял только недавно появившуюся увлечённость Саши старой советской техникой, естественно, не догадываясь о её истоках. Но и теперь он всё ещё сожалел, что пять с половиной лет обучения сына в Бауманке и диплом по системам жизнеобеспечения летательных аппаратов не вылились ни во что стоящее.

– У нас на факультете парень есть, Юрка, песни сочиняет и поёт под гитару – закачаешься. Очень здорово у него получается. Сегодня как раз концерт будет. Пойдём? – Лиза оторвала его от размышлений, решив, что её вопрос о месте работы поставил Сашу в неудобное положение: ну конечно! Выпускник Бауманки. Он наверняка работает над каким-нибудь засекреченным проектом...

Вечером они сидели рядом на подоконнике и слушали романтические студенческие песни под гитару про далёкие путешествия, прекрасных женщин и отважных мужчин. Смотря на ребят вокруг, Саша не мог сдержать внутренней дисгармонии, вынужденной, будто чужой усмешки. Вот уже два года он возвращается в Москву пятидесятых, а все никак не может привыкнуть к простой искренности людей этих лет. Ему всегда не по себе, словно выработанный его родным временем рефлекс заставляет чувствовать себя неловко, обязывает насмеяться. «А ведь мне уже середина четвёртого десятка. И то я так чувствителен к мнению той нашей толпы.

Чего уж говорить о каких-нибудь подростках. Это ведь убивает их. И единственный вариант: смейся и унижай, чтобы не смеялись над тобой и не унижали тебя».

С усилием отогнал он от себя эти мысли. К чему они? Наслаждайся моментом. Вокруг молодые, сильные люди, безумно верящие в себя и свою страну, не стесняющиеся говорить о своей любви к ней. Да, через полвека их дети начнут топтать свою родину и резать друг друга. Но сейчас всё прекрасно. За спиной стоит уютный чёрный прямоугольник стекла с жёлтыми пятнышками фонарей и росчерками мечущихся снежинок. Там спешит на отдых большой уставший город. Великий город труда, мысли и поступков. Пока ещё не праздности и больших денег из воздуха. Рядом сидит девушка, с которой он познакомился только сегодня и которая своим звонким смехом разбила на кусочки все его утренние планы.

На уровне плеча, сквозь щель в оконной замазке поддувало, и Саша накинул на плечи Лизе своё пальто, обрадованный, что они выбрали именно этот подоконник.

Это было совсем недавно, чуть больше месяца назад, а Саше казалось, что прошло со дня знакомства с Лизой уже несколько лет. Почти через день он возвращался в пятьдесят второй, бродил по городу, заходя в магазины, покупая иногда что-нибудь и относя в свой магазинчик, а вечером гуляя по Малой Пироговской, поджидая после занятий Лизу.

Время шло, Саша перестал стесняться девушки, перестал

мямлить в разговорах с ней. Они часами напролёт болтали, гуляя по Москве, сидя за столиком в кафе с лимонадом и пирожным «картошка» с зелёным завитком крема.

Всё это Александр прокручивал сейчас в своей памяти, бодрым шагом идя по заснеженному солнечному городу.

Придя в общежитие МГПИ и аккуратно заглянув от двери, он с радостью увидел, что на проходной дежурит Баба Лида, она же в личном общении ТетьЛида, гроза ухажёров и любительница научной фантастики. Именно на этой почве Александр и завоевал её расположение и обрёл невиданные для прочих возможности по посещению общежития. Значит, можно будет зайти самому, а не просить кого-нибудь из девочек позвать Лизу.

Увидев его, Баба Лида оживилась, отвлеклась от вязания, перевернула обложкой вверх раскрытую книгу и ожидала, когда посетитель подойдёт к её будке.

– Здравсьте, ТетьЛид, – бодро поприветствовал посетитель.

– Здравствуй, Сашенька, – расплывшись в улыбке, промурлыкала старушка. – Твоя-то уже спускалась с утра – спрашивала за тебя. Иди уж, иди.

Посетитель не спешил. Нужно было поддерживать ампула. Заглянув через окошко, он прочитал название книжки.

– Тополь стремительный... А знаете, ТетьЛид, Гуревич-то задумал интересную книжку. Как люди потерпели крушение в космосе и живут на большом астероиде.

– Да ты что! А ты-то откель знаешь? – прищурилась вахтёрша.

– Ну так я сам его консультировал по вопросу тяготения малых тел, – серьёзно ответил Саша.

– Балабол, – рассмеялась старушка.

Они ещё немного поболтали, и минут десять спустя Саша уже стучался в заветную комнату на третьем этаже. Послышался шумный топот, дверь стремительно отворилась, и на шею ему прыгнула Лиза, с ходу начав что-то рассказывать, а заодно и упрекать, что пришёл так поздно.

– Одевайся быстрее, – сказал он, снимая с шеи её руки. – Пойдём гулять. Мы опаздываем. Нужно найти одного старичка.

– Какого ещё старичка? – удивилась девушка.

– Старого старичка. На Палашевском рынке торгует космическими кораблями.

На Луне нет СССР

На Пушкинской площади они были уже в половине одиннадцатого. Саша в нерешительности поглядел через улицу Горького, а затем на вывеску «Кафе Незабудка» на бывшем Большом Путинковском переулке, ныне проезде Скворцова-Степанова, а в его родном будущем вновь Большом Путинковском.

– Есть хочешь? – спросил он Лизу.

– А ты?

– Ужасно хочу, – признался Саша.

– Ну а что же ты не дал тебя накормить в общеаге? «Спешим, спешим». Дедушка твой не уйдёт?

– По оперативной информации будет стоять до двух на посту.

В зале кафе было довольно людно, несмотря на утро, но свободные места всё же были. Они повесили одежду на вешалку у входа и прошли к пустому столику у окна с геометрически идеально, как по транспортиру, разложенными приборами и косыми конусами белых салфеток, водружёнными на тарелки.

«Странно. У нас люди как раз в первую очередь заняли бы столики у стекла, а не в глубине зала», – почему-то подумал Саша.

Они сели за стол, и он в который раз уже за последние два года с удовольствием погрузился в изучение блюд меню.

– Яичница с грецкими орехами... – он вопросительно посмотрел на Лизу. – Представляешь? Яичница с орехами!

– Ты как с Луны свалился, – улыбнулась девушка.

– Да... У нас на Луне думают, что в Советском Союзе питались... то есть питаются сосисками из газет и запивают чистым спиртом, выгнанным из опилок, поставляемых в цистернах по железной дороге напрямую с Колымы...

Они заказали по порции жаркого в горшочках и чайник чая с московскими кексами.

Пока несли еду, пара сидела молча, поскольку мужчина,

пролистав до конца книжицу, начал, придиричиво насупившись, разглядывать названия обычных коньяков. Саше ужасно хотелось заказать и выпить рюмочку, но при Лизе он стеснялся.

«Как мальчишка! – смеялся он над собой. – Всё боюсь, что она обо мне подумает. В солнечный морозный день и не выпить прекрасного коньяку! Мои современники много бы отдали за эти ещё и не самые лучшие из образцов советского пищепрома».

– А ещё на луне нет таких коньяков. Хотя и выпускают их в красивых фигурных бутылках с разноцветными этикетками. Никаким тамошним лунным Армениям и Грузиям такое и не снилось. Их коньяк, увешанный тридцатью звездами, в подмётки не годится этим трёхлеткам. А обвиняют они в этом лунную Россию. – Саша постучал согнутым пальцем в страничку меню.

– Что же это там за страна такая, раз все грызутся? – отсмеявшись, спросила Лиза.

– На Луне нет СССР, Лиз. На Луне ничего нет. Только деньги. Только одни лишь деньги. И тщеславие. Тоже, впрочем, покупаемое и продаваемое.

Девушка смотрела на своего молодого человека молча и с удивлением. Поняв, что он выглядит странно, Саша улыбнулся:

– А если бы ты попробовала наши лунные продукты, то решила бы, что жуёшь вату. Так что наслаждайся! – сказал он

весело и пододвинул к себе ароматно дымящийся горшочек.

Мужчина ел с удовольствием, спешно. Девушка же, напротив, смотрела на жаркое без всякого аппетита.

– Что же у вас на Луне лучше? – поковыряв ложкой свою порцию, спросила Лиза.

– Лучше... Транспорт лучше. Можно легко и быстро добраться в любую точку Луны. Ну почти в любую. Связь лучше. Два человека могут легко пообщаться друг с другом или отправить фотографию в любую минуту, как бы далеко они ни находились друг от друга.

– Ну это же прекрасно. Люди общаются постоянно с тем, кто им нужен.

– Нет, Лиз. Люди в основном общаются с теми, кого не знают и кого и знать не хотят.

Доев, они быстро оделись и, выйдя на улицу, поспешили к переходу через улицу Горького. Саша уже пожалел, что решил зайти в кафе. И дед мог уйти раньше времени, и разговор с Лизой свернул куда-то не туда. Как-то разом испортилось настроение. Глупо, глупо.

Как всегда, всё исправила Лиза. Выбежав перед ним и остановив своими маленькими ладонями в больших рукавицах, уткнувшись в грудь, она притянула его к себе и поцеловала.

– Ты мне рассказывай всегда всё. Всё, о чём думаешь, – оторвавшись от Саши сказала она. – А то я иногда не понимаю тебя. И того, что ты говоришь, тоже не понимаю. Всё

ведь хорошо: мы рядом, мы в Москве, у нас так много всего впереди. Да?

Саша улыбнулся:

– Да.

– Ну и замечательно. Пойдём скорее. Вдруг дедушка твой замёрз и уже собрался к своей бабушке.

На Палашевский рынок они входили, лавируя между потоками людей, текущими навстречу. Закупившись продуктами, москвичи спешили домой, неся свёртки с мясом и салом, сметану или поделки кустарей. Зайдя наконец через арку на территорию рынка, Саша начал оглядываться по сторонам, чтобы сориентироваться и понять, где же здесь искать прилавки с космическими кораблями.

Многие продавцы, распродав товар, спешно собирались. Вот дородная баба обтирает ветошью намёрзшее на края бидона и громадный половник молоко. Вот другая, одетая в ватник и закутанная в пуховый платок, вытряхнув крошки костей, аккуратно складывает здоровенный отрез плотной ткани с жирными следами от распроданного мяса. Два старичка у прилавка, увешанного деревянными ложками, туесками и разными коробушками, весело разговаривают друг с другом, посмеиваясь с кашлем, дымя махоркой и щурясь слезящимися пьяными глазами.

Саша взял Лизу за руку и потянул вглубь рынка. Он боялся, что никакого деда с игрушками не найдёт. Он был практически уверен в этом. Ведь могла же пошутить память над

человеком через столько лет, спроецировав события жизни и фантазии разума пожилого мужчины в одну точку.

Но дед был. И ракета на его прилавке была. Саша увидел её ещё издали. Вокруг возвышались горы из старых чемоданов, самоваров, грубо перекрашенных детских трёхколёсных велосипедов, книг и всего прочего. В любой другой ситуации он бы придирчивым взглядом профессионала стал перебирать каждую вещицу, просматривать каждый прилавок, выглядывая что-нибудь интересное и редкое. Но сейчас это всё было как бы в стороне, словно при туннельном зрении. В центре был только насупленный дедок в потёртой меховой шапке и стол, заставленный разным старым инструментом, какими-то маленькими статуэтками и ещё многими другими вещами. Посреди всего этого гордо возвышался пузатый космический корабль.

Немного поразглядывая старика издалека, Саша потянул Лизу к его прилавку.

– Здравствуйте, – поздоровался он с продавцом.

– Здорово, сынок. Чего выискивал? – пробасил дед.

– Ничего не искал. Увидел вашу ракету и подошёл.

Старик был явно огорчён. Наверное, поглядеть на эту игрушку подходили бесщётное количество раз и ничего не покупали.

– Откуда такая красота? – спросил Саша. – Никогда таких не видел.

– Трофейная, – ответил дед. Ему явно польстило такое

явное восхищение его товаром взрослого человека.

– Как здорово... – пробормотал покупатель, начав пристально, сантиметр за сантиметром рассматривать игрушку.

Две раскрытые половинки ракеты были соединены маленькими петлями. В нижней части её располагались четыре цистерны, по две в каждой половинке, с множеством трубочек, сделанных из меди. Трубочки эти были подведены к вытянутой камере сгорания в центральной части. Две цистерны были выкрашены в синий цвет, две в чёрный.

– Синий бак, значит, для кислорода... А вот чёрный... – как бы про себя пробормотал Саша и глянул на деда.

– Под водород, – машинально ответил тот, попавшись на уловку.

Покупатель улыбнулся и продолжил рассматривать игрушку. В верхней части располагалось несколько этажей с искусно сделанными креслами, столами, какими-то двигателями с ременными передачами, шестерёнками и великим множеством прочих миниатюрных деталей, рычажков, кнопок и лампочек. Среди всего это нагромождения замерли маленькие человечки. Кто-то из них сидел за столом с приборами, кто-то лежал на диване, кто-то поднимался по винтовой лестнице или бежал по коридору. Девушка-космонавт с длинными белыми волосами поливала из лейки цветы на полочке под иллюминатором.

– Слушай, Лиз, я, похоже, догадываюсь... – Саша не отрывал глаз от препарированного пузатого корабля. – Тот, кто

это сделал, увлекался трудами Циолковского.

Он взглянул на продавца. Тот смотрел удивлённо и растерянно.

– Сколько вы за неё хотите?

Старик помялся.

– Да за четыре сотни хотел отдать... – ответил он, будто бы оправдываясь. – Понимаешь, сынок, внук о велосипеде мечтает всё.

– Прекрасную вещь сделал, отец. Прекрасную, – помолчав, ответил Саша. – Не жалко денег.

Он полез за пазуху, достал бумажник и отсчитал десять огромных сотенных купюр с кремлёвской набережной, отражающейся в реке.

Место для мужчины

Они шли по улице молча. Лиза отчего-то грустила. Неспешно шагая, Саша с беспокойством посматривал на неё, неуклюже прижимая к груди большой свёрток с игрушкой, которая, как выяснилось, оказалась довольно тяжёлой. Он видел, что девушка настолько погружена в свои мысли, что даже не обращает внимания на то, куда они идут. Эта внезапная угрюмость была ей так несвойственна, так чужда её звонкому голосу и её не сходящей с лица улыбке. словно рядом по заснеженной Москве шагал какой-то другой человек. Очень похожий, но другой.

Непонимание ситуации мучило, а ожидаемая развязка и

объяснение запаздывали. Саша уж было собрался остановиться и задать прямой вопрос, как вдруг поймал брошенный из-под длинных ресниц мимолётный, словно порыв ветра, взгляд, в котором успел разглядеть еле сдерживаемые слёзы. Он вёл её к своему магазинчику, пытаясь разгадать мысли Лизы и причину такой внезапной хандры.

Дорога до дома с подвалом, в котором в крошечной темноте проходил подземный ход в другой век и в совсем другую жизнь, занял с полчаса. Только когда они подошли к тяжёлой дубовой двери с облупившейся зелёной краской, девушка начала оглядываться по сторонам.

– Куда ты меня привёл? – оторвавшись от своих невесёлых мыслей, спросила она.

– Это моё секретное убежище. Здесь я хочу сделать мастерскую, – Саша открыл ключом дверь, снял с крючка фонарик, зажёл его и посторонился, светя Лизе под ноги. – Проходи.

Девушка вошла внутрь и остановилась. Он взял её за руку, закрыл замок и повёл сквозь лабиринт из ящиков.

Открыв железную дверь, Саша повернул выключатель, погасил фонарик и вошёл внутрь.

– Это мой кабинет. Жалко, что окна здесь нет. Ну заходи же. А теперь узри великую тайну: моё секретное место!

Распахнув створки большого шкафа, стоявшего у стены, он аккуратно поддел маленький крючок и открыл заднюю стенку, оказавшуюся дверью в потайную комнату. Включив

внутри свет, он позвал девушку.

– Иди за мной.

Пройдя сквозь шкаф, Лиза вошла в длинную и узкую комнату шириной не больше полутора метров. Одна из стен представляла собой множество, от пола до потолка, квадратных дверок с медными ручками и эмалевыми номерками. У противоположной стены стоял стул, а рядом с ним деревянная стремянка. Девушка неслышно ступала по майоликовому полу из треугольных плиток.

– Я случайно обнаружил её, когда решил передвинуть шкаф и не смог. Здесь тогда даже света не было. Это я потом уже провёл. Только на стуле стояла старая керосинка. Вон она сейчас у меня на столе в кабинете... По всей этой стене идут небольшие ниши с дверками. Всего девяносто восемь штук. Семь в высоту и четырнадцать по длине комнаты. Каждая дверка примерно сорок восемь на сорок восемь сантиметров. Вот такая вот магия чисел...

Он показал Лизе на стул:

– Подожди, пожалуйста, я быстро.

Открыв дверцу с номером «37», он аккуратно положил внутрь свёрток с игрушкой.

– Ну вот и всё. Пойдём, – улыбнулся он девушке и направился к выходу.

Вдруг раздался грохот падающего стула. Саша обернулся и поражённый уставился на то, как Лиза бросилась к полке номер «37», открыла её, вытащила оттуда космический ко-

рабль и начала срывать обёрточную бумагу. Раскрыв ракету, она подбежала под лампу и стала внимательно рассматривать её, поддевая внутри пальчиком разные детали.

– Ты чего, Лиз? – пробормотал Саша.

– Тут где-то спрятана записка, да? – вытянув на худых руках в сторону него тяжёлую игрушку, закричала девушка. – Что там? Микроплёнки, чертежи?

– Какие чертежи... – ничего не понимая, проговорил тот.

– С секретной информацией! Или это модель нашей ракеты? Ты шпион?

Сашу начинало трясти от смеха.

Через полчаса они сидели в кабинете у стола, пили чай и обсуждали в который раз произошедшее, перебивая и перебивая друг друга.

– Ну а что я должна была подумать, Саш? – чуть не плача кричала Лиза. – Ты как будто бы не русский. Рассказываешь про какую-то свою Луну. У тебя откуда-то большие деньги. Работаешь над какими-то проектами, про которые ничего мне не говоришь. Идёшь к какому-то странному человеку на рынке, с которым обмениваешься подозрительными фразами, похожими на пароли из шпионских фильмов и книжек. Ты покупаешь какую-то непонятную игрушку и прячешь её в тайной комнате. Что я должна была подумать?

Саша давно так не хохотал. Он опять согнулся, сидя на стуле и содрогалясь, задыхаясь.

– Всё что угодно, но только не это! – Всё что угодно но

только не это! – прокричал он, сквозь новый приступ смеха.

– Странный ты всё-таки, – улыbnулась девушка. – Я уж было подумала, что это макет нашей секретной советской ракеты, которую пытаются выкрасть враги.

– Я потом тебе объясню про неё, ладно? Врать не хочется, а сейчас не могу.

– А может, всё-таки сейчас? – с надеждой спросила девушка, зажав озябшими ладонями горячую чашку с чаем.

– Сейчас не могу, – уже серьёзно повторил он. – Но я не вражеский заланец. Честно-честно...

Лиза кивнула.

– А скажи вот мне... Скажи: что бы ты сделала, если бы я в действительности оказался шпионом? Ну вот представь себе: я растерялся, испугался, не успел или просто не стал тебя обезвреживать, а ты выбежала на улицу.

– Я? Побежала бы в милицию. Всё бы им рассказала. Тебя бы схватили и посадили. А я бы всю жизнь потом навещала тебя. Вот так вот бы и прошла моя испорченная жизнь.

– Всю жизнь навещала? – удивился Саша.

Лиза обречённо развела руками.

– Ох и прекрасные вы, бабы русские, земные. На Луне таких мало, – он притянул к себе девушку и поцеловал.

Он прошёлся по комнате.

– Сейчас соберу вещи и пойдём.

– Куда?

– Я всё придумал. Мы сейчас проживаем с тобой лучшие

дни своей жизни. Так вот тебе по этому поводу нужно срочно заболеть.

– Чем заболеть?

– Жаждой приключений и путешествий с любимым мужчиной. Придётся прогулять недельку по уважительной причине. Скажешь: сильно кружилась голова. Мы с тобой сейчас поедem в кассу Аэрофлота, подойдем к стене, на которой висит огромный лист с расписанием движения самолётов московского авиаузла, закроем глаза, ты своим пальчиком ткнёшь в графу «аэропорт назначения» и в какой город попадёшь, туда и полетим.

– Можем прекрасно доехать и на поезде куда-нибудь недалеко. И веселее, и дешевле, – настоятельно произнесла девушка.

– Ничего уж, потратимся немного...

– Прекрати постоянно швырять деньгами, – рассердилась она. – Ты на меня впечатление таким образом, что ли, произвести хочешь?

Саша встал рядом и положил руки на плечи девушки.

– Это не для того, чтобы покрасоваться перед тобой.

Правда, правда.

Сев на корточки, он принялся доставать из тумбочки вещи и складывать их в потертый кожаный саквояж.

– Но у нас праздник. Поэтому можно и потратиться.

– Какой праздник?

– Предсвадебное путешествие. Замуж за меня пойдёшь? –

Он замер, держа в руках вложенные друг в друга домашние тапочки и глядя снизу вверх на девушку.

Саша сам был поражён тем, что задал этот вопрос. Вот так просто и спокойно, мимоходом, как будто бы договариваясь о встрече или обсуждая планы на день.

Лиза сидела на стуле и смотрела на него сверху вниз.

– Замуж? Пойду. Конечно, пойду.

Вот так вот. Без слёз, без криков и заломанных рук. Впрочем, этого стоило ожидать от неё.

– Вот и отлично. Тогда выбирай город. Может быть, Баку? Или Кишинёв? Или, может, Одесса? Давно хотел съездить в Одессу.

– Что же тебе мешало, раз хотел?

Саша хмыкнул и, встав, потрепал девушку по голове.

– Лучше полетим к моей бабушке, в Свердловскую область, – немного подумав, сказала Лиза. – Я тебя познакомлю. Она одна у меня осталась.

– К бабушке, так к бабушке. Поехали за билетами! – он схватил со стола и криво нахлобучил на голову девушки шапку.

Он ничего ей не рассказал в эту поездку, хотя уж было собрался с духом. Они почти и не разговаривали днём. Саша целыми днями рубил дрова. По вечерам исправлял проводку, подмазывал печь и делал множество других мужских дел, в которых нуждалась небольшая избушка, где жила бабушка Лизы. Каждый день, собрав поленницу и убрав в сарай то-

пор, он, распаренный, стоял за забором и смотрел на петляющую тропинку меж сугробов, ведущую по крутому косоугру к проруби на реке. Стоял, весь окутанный густой смесью из фиолетовых сумерек, тонко гудящей тишины и щекощущего ноздри запаха горящих в печах берёзовых дров, этих спасителей людских от большого холода великой русской зимы. Чернила ночи постепенно заливали тропинку. И вот уже различить можно было лишь мутно сочащуюся сквозь тучи луну. Саша думал о том, как оказывается просто мужчине быть счастливым. Мужская любимая работа, домашний уют, созданный маленькими женскими руками и уверенность в своей стране, раскинувшейся на тысячи километрах вокруг тебя. Если только не думать о том, что с этой страной будет через несколько десятков лет...

Тело, натруженное, разгорячённое рубкой дров, остывало, становилось зябко и он спешил в тепло избы, чтобы заняться делами домашними уже при свете электрической лампочки, изредка перебрасываясь словами с любимой женщиной. Только лишь ночью, когда бабушка засыпала, Лиза мышкой пробиралась на большую русскую печь, куда определили на постой Сашу. Они болтали по несколько часов и затем девушка также тихо убегала на свою кровать. Утром они поднимались с поздним зимним рассветом, невыспавшиеся и весёлые.

Перед самым их отъездом старушка истопила баню. Жен-

щины принялись накрывать на стол прощальный ужин, центральными элементами которого были варёная картошка с маслом в укутанном глиняном горшке, сало и клюквенная настойка, гордость Лизиной бабушки. Мужчина же в это время сидел на верхнем полке полутёмной парной и смотрел, как со смоченной ветки полыни, вставленной между венцами сруба, капает на пол вода. Треск дров в топке ритмично отсчитывал неведомые единицы времени. Ветер в кирпичной трубе гудел лениво и незлобно. Ладонь, опущенную в тазик с запаренными вениками, жгла горячая вода.

Интересно, что с этой деревушкой там у нас? В сотне километров от Екатеринбурга? Скорее всего, на её месте просто лес. Так где же развитие, где прогресс? Выходит, всё бессмысленно? Зачем была эта работа, это стремление и созидание целой страны? Зачем столько труда, если в исходе всё напрасно. Если народ обречён на разрушение.

Саша в сердцах схватил веники и принялся хлестать себя, выбивая невесёлые мысли.

В Москву они прилетели ещё засветло. Город встретил их обычной своей деловитостью и шумом, приправленными предновогодней суетой. Проводив Лизу до общежития, Саша вернулся к себе. Прошёл в потайную комнату, открыл полку с медным номерком «37», достал свёрток с игрушкой, посидел перед ней за столом в кабинете минут десять и убрал обратно. Какая-то невнятная тревога, от которой он никак не мог отделаться, уже который час всё тяготила его, всё то-

мила. Словно он вплотную подошёл к какому-то очень важному рубежу, к какому-то пределу, которого не понимает и которого не видит.

Всё так же, не отвлекаясь от своих размышлений, он уже в который раз, привычным порядком действий спустился в подземелье, машинально разделся донага, выключил свет и направился в темноте к колодцу.

Спустя пятнадцать минут и через множество лет Саша сидел за своим столом, в своём времени и разворачивал пожелтевшую, пожелтевшую бумагу. Поразмышляв немного, он всё же позвонил Павлу Петровичу, чтобы договориться о встрече. Тот поднял телефон практически сразу:

– Здравствуйте, Саша.

– Добрый вечер, Павел Петрович. Хотел пригласить вас приехать ко мне. Завтра сможете?

– Вы нашли? – тревожно спросил старик.

– Нашёл.

– Вы у себя в магазине?

– Да. Собирался уже ехать домой.

– Дождитесь меня, пожалуйста. Я уже выезжаю к вам. Буду через двадцать минут. Дождётесь?

– Конечно. Жду, – Саша почему-то так и подозревал, что этот человек примчится к нему, не откладывая дело до завтра.

Он выключил телефон, налил себе коньяк и уселся в кресло, чтобы почитать новости о произошедшем в его отсут-

стве. Ничего интересного там не было: всё та же смесь из громких заявлений чиновников всех стран и мастей, да истории о достигшей почти всех граней омерзения российской культурной элиты. Сосредоточиться на просмотре лент не получалось.

Перед тем как войти, старик слегка постучал по оконному стеклу. Пока он снимал пальто и шёл к креслу, Саша наполнил два бокала и, откинувшись на спинку, наблюдал за реакцией покупателя, который не отрывал глаз от игрушки, стоящей в середине стола.

Он не поздоровался, не протянул руки. Просто сел в кресло и продолжал смотреть на неё. Затем, взяв бокал и пригубив коньяк, Павел Петрович наконец взглянул на Сашу.

– Давай без обиняков, Александр. Не хочу говорить намёками да подвохами и не хочу ничего выпытывать из тебя. Тот старик, у которого ты купил эту игрушку, это мой дед. Тогда, в пятьдесят втором, я стоял недалеко и видел, как ты разговаривал с ним. Да, ты угадал, он увлекался идеями Циолковского. Я очень хорошо помню тот день, когда он продал свой космический корабль. И тебя очень хорошо помнил всю свою жизнь. То, что было в детстве, врезается в память гораздо лучше, чем произошедшее только вчера, если ты уже старик.

Вопросы

Двое мужчин сидят в креслах у лакового журнального столика. Оба молча смотрят на старую игрушку, разделяющую

их.

– Вы попросили меня найти вещь, существовавшую в единственном экземпляре, чтобы убедиться, что я бываю в прошлом, что я – именно тот человек, которого вы видели в детстве. Это мне понятно. Хотя с натяжкой и допущениями, ну да ладно, – прерывает молчание молодой, деловито разглядывая маслянистые потёки по другую сторону стекла, согретого теплом рук. – Но как вы вообще нашли меня, откуда про меня узнали? Что я живу в нынешнем времени? Изначально?

– Я больше года наблюдал за тобой. Перед тем как сегодня самому прийти сюда, я отправлял в твой магазинчик много людей. Наверное, большую часть, что у тебя покупали, приобретал на самом деле я. А ты уж решил, что твоё заведение стало популярным? Прошлой осенью я случайно увидел тебя на улице, в сквере в Хамовниках. Ты стоял у воды и разговаривал по телефону.

– Парк имени Мандельштама, – кивнул хозяин.

– Мандельштама? Разве он сейчас так называется? – спросил старик.

– Нет. Так он назывался в сталинское время. Не того Мандельштама. Разные были Мандельштамы, и судьба у них тоже была разной.

– Так вот, я узнал твоё лицо. Для меня всё замерло, всё исчезло в тот момент. Как будто не было этих долгих-долгих лет. Как будто я вновь стою недалеко от прилавка своего

деда и вижу, как он наконец-то продаёт свой макет ракеты Циолковского. Я решил, что ты внук того человека из моего детства. Сначала было хотел подойти к тебе, расспросить. Но потом вдруг испугался.

– Чего же?

– Испугался, что это сознание играет со мной такую шутку. Заставляет поверить в идентичность образов. Подгоняет воспоминания под реальность.

– И вы решили за мной проследить?

– Не то чтобы... Я просто шёл. Шёл пешком за тобой до этого самого магазинчика. Ты говорил с отцом по телефону. Я узнал и твой голос. Узнал смех, мимику. Ты не обратил на меня внимания там, на рынке, в пятьдесят втором, не заметил и в этот раз. Я немного постоял на улице, разглядывая магазин через стекло. Потом зашёл внутрь. Ты поздоровался со мной и, не обращая больше внимания, уставился в книжку. Я побродил вдоль стеллажей со старыми вещами, явно не бывшими в употреблении – на это я обратил внимание ещё тогда, в самый первый раз. Уже в этот день во мне зародилось какое-то подозрение. Нет, скорее, фантазия. Выходя на улицу из магазина, я представлял себе, что ты и есть тот самый дядька из моего детства. Было приятно так думать. Я играл со своим разумом и своими воспоминаниями. И я решил продолжить эту игру, которая в итоге оказалась реальностью.

С того дня моя жизнь изменилась. Ты не выходил уже из

моей головы. Я отправлял к тебе разных посетителей, некоторые из них возвращались по несколько раз. Одни покупали какие-нибудь вещицы из тех, что стояли на полках. Они нужны были для массовки, для отвода глаз. Чтобы замаскировать основных разведчиков. А вот те уже заказывали у тебя предметы конкретные. Изредка кто-нибудь из стариков говорил тебе о своей ностальгии по давнему времени. Что была у него или у родителей игрушка или вещь какая-нибудь. Или же продавалась в магазине. Вот это была главная зацепка. Все воспоминания разных покупателей об этих предметах выужены из моей детской памяти. На такие запросы ты всегда спрашивал, в каком универмаге видели ту или иную вещь. Это тоже натолкнуло на определённые выводы.

Ещё я понял, что ты можешь бывать только в определённом времени.

– Как?

– Ну например... Тебе предлагали огромные деньги за фотоаппарат «Нева», помнишь?

Саша кивнул.

– Ты сперва обещал попробовать узнать, но, порывшись в компьютере, увидел, что фотоаппарат выпускался с пятьдесят пятого, и сразу понял, что достать его не сможешь. Ты сказал, что позвонишь, если получится раздобыть или что-нибудь выяснить. Но мой человек безошибочно распознал то, что ты уже потерял интерес к заказу. Да, да, не улыбайся. Я направлял к тебе профессионалов... Было ещё несколь-

ко подобных проверок. Методом несложных интерполяций я понял, что ты можешь побывать только лишь в самом начале пятидесятых.

– Что вы от меня хотите? – глядя в глаза Павлу Петровичу, спросил Саша.

Старик встал и принялся, как и в прошлый раз, бродить вдоль полок. По-видимому, это было в его обыкновении при сильном волнении.

– Меня убивает это время, в котором мы живём. Я брожу среди чужих, непонятных мужчин, женщин и детей. Они все вроде бы говорят по-русски, но как будто бы прилетели с другой планеты, понимаешь? Я! Я чужой здесь.

– Да, теперь понимаю, – ответил Саша. – С Луны, например.

– С луны... Конечно, понимаешь, ты и сам всё это чувствуешь. Мы долго говорили с тобой в прошлый раз. Я же вижу: тебе противно очень многое из того, что за этой красивой дубовой дверью.

Павел Петрович замер с вытянутым пальцем, указывающим на вход в магазин.

– Я не могу здесь больше находиться. Я всю жизнь, не жалея сил, работал для процветания моей Родины и ничего не смог сделать, чтобы отвратить её от той пропасти, в которую сегодня она летит. Послушай меня...

Старик быстро подошёл к столику и опустился в кресло.

– Саша, мне не так долго осталось. Я хочу уйти из жиз-

ни среди людей своей категории, своей шкалы мер. Хочу уйти в той моей любимой Москве. Умоляю тебя. Отведи меня туда... А здесь мне душно, душно. Я задыхаюсь. Я не могу здесь больше. Как ты попадаешь туда? Это какая-то машина? Только ты можешь совершать эти путешествия или любой человек?

Гость замер в ожидании.

– Пожалуйста, расскажи мне. И самое главное... Ты никогда ничего не менял в нашем времени оттуда?

– Ничего нельзя поменять, Павел Петрович. Вообще ничего. Ни одного мгновения. Каждая снежинка за окном упадёт на своё место, что бы вы ни сделали в прошлом. Если завтра вернуться в пятидесятые и совершить какое-то действие, значит, это всё уже и так было. Уже сегодня, сейчас, эти события произошли. До того, как вы завтра полетите в пятьдесят второй год. Мы можем вершить только наше будущее. Наше завтра. Но не властны над тем, что уже произошло. Понимаете?

Гость кивнул:

– Значит, разрушения не избежать? Пусть так... Но я всё равно хочу туда. Хотя бы на день. Хоть на час. Просто пройти по вечернему бульварному кольцу... И хоть издали посмотреть на маму. Отведи, отведи меня туда... Я хочу видеть эту эпоху и этих людей.

– Я не знаю, смогу ли взять с собой в прошлое другого человека. Правда, не знаю. Я сам всё время об этом думаю...

Дайте коньяку подышать, – Саша наполнил опустевший бокал гостя. – Мне нужен ваш размер обуви и одежды. И приходите ко мне сюда в семь утра в понедельник.

Павел Петрович испытующе посмотрел на него и кивнул.
– Конечно. Как скажешь.

Домой

В понедельник, подходя к магазину, Саша ещё издали увидел сгорбленный силуэт у своих дверей. Он поздоровался, удивившись осунувшемуся лицу Павла Петровича, казавшемуся совсем постаревшим, особенно в ледяном белом свете утреннего фонаря.

– Вы как себя чувствуете? – поинтересовался он.

– Да всё нормально, не обращай внимания. Просто не спал совсем сегодня. Не мог уснуть, – делано бодро ответил старик.

– Ну что же... Пойдёмте.

Зайдя внутрь, они сразу направились в кабинет. Ничего не объясняя и без разговоров, Саша отодвинул тумбочку от стола, поддел люк в полу, открыл его и начал спускаться.

– Сейчас включу свет внизу, и лезьте за мной! – крикнул он с лестницы.

Старик довольно быстро спустился вниз и принялся разглядывать подземелье.

– Здесь пока что ничего интересного, – улыбкой подбодрил его Саша. – Основной путь ещё ниже. На дне вот этого

колодца. Обычно я проделываю его в темноте, но чтобы вам было удобнее, наденьте налобный фонарик. Я крикну, как доберусь до дна, тогда начинайте спускаться. Нужно будет раздеться донага. Складывайте одежду вот на этот стул... Да не бойтесь вы.

Отвернувшись, проводник сам принялся раздеваться.

Спустившись вниз и крикнув Павлу Петровичу, что можно следовать за ним, Саша отошёл от шахты и уставился в черноту туннеля.

«Вот он, момент истины», – подумал он.

Старик спустился следом. Он, конечно, не мог предположить, что преодолевать путь сквозь время придётся нагишом, а потому явно стеснялся.

– Дайте мне фонарик.

Медленно переступая по холодному сырому полу, они двинулись вперёд. Дойдя до пометки мелом на стене, Саша выключил свет и положил фонарь на землю.

– Дальше придётся идти в темноте. Когда доберёмся до лестницы наверх, ждите снизу. Я поднимусь и посвечу вам сверху. Надеюсь, что вы сможете пройти за мной. Я сам в этом крайне заинтересован.

Сделав несколько шагов вперёд, Саша остановился.

– Вы здесь? – спросил он в темноту и замер.

Ах как мучительно долго тянется тишина. Опять, как в первый самый раз, слышно даже, как колотится сердце. Если сейчас за спиной раздастся голос, то жизнь пойдёт по одно-

му пути. Желанному и многожды представляемому. Если же не... Даже и думать об этом не хочется.

Но вот сзади послышался чуть слышный шёпот:

– Да, здесь.

– Слава богу! Вы не представляете, как я рад. Теперь вперёд!

Через несколько минут они стояли всё в том же подвале со сводчатыми потолками и круглым колодцем в полу. На стуле лежало бельё и новенький костюм, предназначенный для Павла Петровича. На полу под ним стояли теплые зимние ботинки.

– Одевайтесь. Надеюсь, всё впору. И айда гулять по старой Москве, – со смехом сказал Саша, облачаясь в свои изрядно уже поношенные брюки и кофту.

Они поднялись из подземелья на поверхность. Наверху проводник выдал экскурсantu верхнюю одежду и меховую шапку. Подойдя ко входной двери, он обернулся к бледному лицу старика.

– Чувствуете воздух? Другой?

– Не замечаю пока разницы, – чуть слышно ответил тот.

– А я вот замечаю. Совсем другой запах. И цвет. Совсем другой.

– Цвет?

– Ага. Более прозрачный. Ну что же. Я дарю вам мой город. Москва: Павел Петрович, Российская Федерация. Павел Петрович: Москва, Советский Союз, – торжественно проде-

кламировал Саша и открыл дверь на улицу.

Старик переступил порог и замер.

– Я до последнего момента не верил до конца... Я не верил.

Девушка, проходящая мимо, предусмотрительно обошла их подальше, косясь на приличного с виду, степенного товарища в возрасте, который, не отрывая глаз, смотрел на неё.

– Павел Петрович, не пугайте гражданку. Что вы, ей-богу, комсомолок не видели? Куда пойдём?

У Саши было прекрасное настроение: эксперимент удался, подопытный прошёл за ним сквозь время. Значит, пройти может любой человек. Но любой не нужен. Нужна Лиза. Наконец всё можно будет ей рассказать. Он возьмёт её в будущее. И этот Новый год они будут встречать все вместе. Лиза, он и родители. Какой прекрасный день, ёлки-моталки!

– Куда пойдём? – оглушённо пробормотал старик. – Домой пойдём.

– Э-э-э нет. Давайте без этого. Ещё не хватало, что вы приметесь кидаться на шею маме и деду и втолковывать самому себе про будущее.

– Прекрати. Мне хотя бы повидать их. Не будет никаких сцен.

Первое волнение спало, и к старому закалённому разуму комитетчика вернулись рассудительность и взвешенность, хоть сердце всё ещё колотилось.

– Обещаете?

Старик только хмуро глянул на своего молодого спутника из-под косматых седых бровей.

– Ну хорошо, хорошо, – примирительно подняв руки, сказал тот. – Далеко ехать? И как будем добираться? Пешком, на общественном транспорте или на такси?

– Давай пешком. Но идти далеко. Где-то с час.

– Ну ничего, прогуляемся. Что для нас час, когда мы прошли семьдесят лет в обратном направлении. Пойдёмте. Я-то уже привык, а вам, конечно, будет очень интересно.

Какое-то время спутники шли молча. Саша понимал состояние Павла Петровича и дал ему возможность собраться с мыслями, не отвлекая разговорами. Надо отдать старику должное, тот быстро пришёл в себя и сам принялся задавать вопросы и рассказывать. Больше даже рассказывать. Об улицах, которые они проходили, о памятных из детства событиях, о живущих сейчас, в пятьдесят втором, людях. Они шли неспешно, переговариваясь вполголоса и поглядывая по сторонам. Словно степенный профессор, признанный научный авторитет, прогуливается, беседуя с молодым, но подающим большие надежды аспирантом.

У колхозной площади Павел Петрович предложил зайти в знакомую ему пирожковую, чтобы перекусить и согреться. Саша оставил товарища у высокого квадратного столика, а сам прошёл к прилавку и, выложив на блюдечко с отбитым краешком несколько монет, взял два стакана чая и несколько пирожков: с мясом, ливером и вишнёвым повидлом.

– Мда-а, – рассматривая надкушенный пирожок с мясом, пробормотал Павел Петрович. – А ещё говорят, что это только кажется.

– Что именно?

– Ну, что раньше всё было вкуснее. Лимонад там, сладости. Пирожки...

– Вы ещё в ресторанах местных не были, – тоном знатока сказал Саша. – Приглашаю вас вечером.

Старик хмуро глянул на него:

– Ты забываешь, что я в отличие от тебя родом отсюда.

– Да когда это было-то... А в целом вы меня удивили. Быстро вы. Я в себя с неделю приходил. Куда путь-то держим?

– Здесь недалеко уже, – глядя через окно на медленно проезжающий по улице ЗИМ, ответил старик. – По Мещанской прямо, потом налево. Мы жили в Пальчиковом переулке.

– Это где такое? – спросил гид.

Экскурсант насмешливо глянул на него:

– Эх ты, краевед.

Минут через двадцать они стояли у подъезда старой шестизэтажки.

– Знаешь, этот дом единственный, что осталось от переулка в нашем времени... Вон моё окно. На третьем этаже, – показал пальцем Павел Петрович. – Интересно, кто сейчас дома...

Саша не шутил, не балагурил. Понимая, что сейчас тво-

рится в душе старика, он терпеливо ждал. А тот всё смотрел, смотрел на чёрное стекло с вплавленной в него неподвижной белой занавеской.

– Я буду на улице. Сколько нужно. Не торопитесь.

– Спасибо, – похлопав его по плечу, ответил Павел Петрович. – Я быстро.

Он вошёл внутрь, и скрипнувшая подпружиненная дверь закрылась быстрее, чем силуэт старика растаял в черноте подъезда.

На ощупь

Через несколько часов двое мужчин сидели за столиком ресторана на Советской площади. Молодой внимательно слушал, а старик, не глядя на него, рассказывал вполголоса, сцепив лежащие на столе руки

– Информацию о смерти отца я смог найти лет десять назад. Ребята поисковики опознали его по записке в капсуле, сделанной из гильзы. В основном капсулы эти были бакелитовые. Кто-то делал сам. Из дерева там, или из гильзы. У отца вот была из гильзы. До этого он числился пропавшим без вести. Я узнал, где, когда и при каких обстоятельствах его взвод накрыла немецкая бомбардировка. И вот сегодня рассказал об этом маме. Что не стоит ждать. Что муж её погиб как герой. Я представился следователем, обнаружившим затерявшиеся архивные данные. Мама никогда мне не рассказывала... Не рассказывала, что к нам приходил домой чело-

век, принёсший восточку об отце. Она хотела, чтобы у меня оставалась всегда надежда. Невесомая, микроскопическая, но надежда. Мы сидели за столом втроем с дедом, рассматривали фотографии, пили чай.

Он откинулся на спинку и улыбнулся:

– Боже мой, как это прекрасно просто сидеть в нашей уютной комнате и пить чай с мамой и дедом. Все сокровища мира можно отдать за эти полчаса.

Они помолчали. Саша поймал глазами официанта и чуть заметно кивнул ему.

– Что будем пить, Павел Петрович?

– А давай-ка, Саня, хлопнем простой русской водки.

Подошёл официант, представился и приготовился записывать заказ, обратившись взором к первому по старшинству посетителю.

– Будь добр, закажи сам. Я доверяю твоему вкусу, – наиграно повелительно сказал старик молодому спутнику, маскируя своё стеснение.

– Как скажете, профессор, – ответил тот, с удовольствием заметив, как подтянулся при этих словах официант. – Будьте любезны: две порции шашлыка по-карски, зелень, сыр, грешки. И бутылку водки.

– Отдам дома. Курс скажешь, – сказал «профессор», когда официант удалился.

– Угощаю на правах хозяина, – покачал головой Саша.

Принесли тарелки с закусками. Павел Петрович поднял

рюмку.

– Давай, Саша, первую выпьем до дна за наших великих отцов и дедов, выгрызших, на оголённых своих жилах вытянувших из небытия великую страну, которую мы, благодарные потомки, благополучно распродали по дешёвке. Это не про твоих сверстников – у вас алиби, а вот к моему поколению претензию можно предъявлять по полной. Распродали, да и вас упустили. Ну, а ваш брат уже довершил начатое.

Павел Петрович пролил несколько капель из рюмки на надломленный кусок хлеба и выпил залпом, не закусывая и не чокаясь.

– Ну к тебе это, конечно, не относится. Ты, как погляжу, из другого теста, нежели всё твоё поколение. Это походы в прошлое тебя пообтесали?

– Да разные люди есть. Не судите о всех по крикливым бездельникам. Вы не представляете, какие люди есть в той нашей с вами стране и тридцати, и двадцати лет. Только живут они часто далеко от Москвы, – выступил адвокат поколений Саша.

– Как ты в первый раз попал сюда?

– С чего же начать-то... – закинув руки за голову, в задумчивости изучал лепнину на сводчатом потолке Саша.

Павел Петрович замер в ожидании, уставившись на молодого человека.

– Я с самого детства любил работать с деревом. Отец приучил. Мы с ним подолгу сидели дома на балконе и выреза-

ли из липы ложки, шахматы, фигурки какие-нибудь. Украшали резьбой дубовые разделочные доски. У моей мамы их, наверное, штук двадцать. Я каждый год ждал, когда наконец начнутся каникулы и мы с родителями поедem на дачу. Там у нас есть старый сарай, в котором мы с отцом обустроили мастерскую. Делали полки, стулья. Точили банки на самодельном токарном станке... Так вот у меня была мечта: открыть столярку в Москве. Эдакий маленький магазинчик-мастерскую-кафе. Куда люди могут прийти, отреставрировать, заказать или просто купить готовую какую-нибудь штучковину из дерева и попить кофе, наслаждаясь запахом свежей стружки. Конечно, это была всего лишь мечта. Такая мастерская никогда бы не окупила бешеную стоимость московской аренды. Но вот года два с половиной назад выясняется, что мне в наследство оставлено небольшое помещение с отдельным входом в старом двореке, почти что в самом центре. Вот тот самый мой магазинчик. Оставил мне его какой-то троюродный дядя, которого ни я, ни родители никогда в глаза не видели. Сейчас я полагаю, что никакого дяди-то и не было. Что это я сам позабочусь когда-то там в будущем нынешнего прошлого, чтобы это небольшое помещение много лет оставалось нетронутым и в конце концов досталось мне. Ну а тогда я, конечно, всё удивлялся своей несказанной удаче.

Там не было окон – это я потом уже убрал кирпичи и вставил рамы. Основная комната была заставлена пустыми деревянными ящиками, которые вы видели сегодня утром. Они

очень добротные, из дуба. Я привёз торцовку, рейсмус, другой инструмент. Расколотил ящики и сделал из старых досок стеллажи, на которых там, в будущем, лежат «экспонаты» из нынешнего времени.

Несмотря на то что комнаты эти были за плотно закрытыми дверьми, вокруг был толстенный слой пыли. Уж и не знаю, каким образом она туда проникла. Ох и долго мы чистили, отмывали всё с родителями. И вот однажды, отчистив и обрабатывая шлифмашикой старый паркет в кабинете, я обнаружил квадратный зазор люка в полу и, естественно, бросив всё, принялся открывать его. Помню, ничего не получалось сначала. А открыть хотелось быстрее, словно коробку с игрушкой в детстве. Пришлось, не пожалев старого паркета, прикрутить к люку ручку.

Я включил фонарик на телефоне и полез вниз. Было страшно. Но интересно. Страшно интересно. Там, под землёй, было всё так же, как вы сами видели сегодня. Пустой зал с колодцем посередине и стоящим возле него стулом.

Под потолком на проводе висела лампа. Я долго искал выключатель и только спустя время додумался повернуть её в патроне.

Я оглядел внимательно сводчатые стены, на которых ничего не нашёл, кроме нескольких кирпичей с необычным клеймом в виде мастерка. Тогда я решил спустить переноску на шнуре в колодец. На дне воды не было. Я полез вниз. Спустился. Там ничего. Только глиняный пол и длинный ко-

ридор, ведущий из стены колодца, до конца которого не добивал свет фонаря. Ну конечно, не откладывая, я пошёл вперёд. Медленными шажками. Микроскопическими. Разглядывая внимательно стены, пол, потолок. Пытаясь рассмотреть то, что впереди, постоянно оборачиваясь назад, чтобы убедиться, что лампочка переноски всё ещё горит. Шаг, ещё шаг, ещё... И вдруг фонарь гаснет. Я поднимаю руку к голове, чтобы нажать кнопку, но на лбу его нет. Оборачиваюсь назад и не вижу света лампы. Темнота абсолютная, непроницаемая. Тягучая чёрная темнота. И только бешено колотящееся сердце, звук которого эхом отражается от стен. И вот тут я понимаю, что стою абсолютно голым.

Я бросился назад, с размаху врезавшись плечом в стену и содрав кожу, но сделав всего шаг, вдруг зажмурился. На полу лежит горящий фонарь, а впереди ярким светом бьёт в глаза двухсотваттная лампа переноски. Я смотрю под ноги и вижу, что стою на своей одежде, валяющейся на сыром глиняном полу. Как был, не одеваясь, я бросился вперёд, пулей вылетел из колодца, вытянул за собой провод с лампой, также быстро поднялся вверх в кабинет, захлопнул люк и уселся на стуле, тупо глядя на крышку люка и прижимая к голой груди горячий алюминиевый плафон переноски. У меня даже шрам остался от ожога.

Саша машинально продел пальцы за пазуху рубашки.

Рассказчик взял пододвинутую слушателем рюмку и обвёл взглядом шумящий зал ресторана, словно только сейчас

попал в него прямиком из тёмного подземелья.

– Мой отец всегда утверждал, что первый тост должен подниматься за основное событие, произошедшее в преддверии застолья, второй за Россию, а третий за здоровье, – сказал он, накалывая вилкой кусочек гребешка.

– А четвёртый?

– Четвёртый по ситуации. Главное нельзя допустить, чтобы четвёртый был последним. Или останавливаться на третьей рюмке, или пить пятую.

– Почему?

– Не знаю. Величайшая загадка всей моей жизни. На втором месте – происхождение тоннеля.

Чокнулись, выпили за Россию, закусили.

– Ну так вот... – собираясь с мыслями, продолжил Саша. – Сижу я голый, смотрю на люк в полу и потихоньку начинаю подозревать, что схожу с ума. Так в тот день и уехал домой. Надев на голое тело рабочий халат и босиком дойдя до машины во дворе. Благо ещё, что шёл дождь и я не приехал с утра на велосипеде.

– И что дальше? На другой день успокоился, вернулся и прошёл путь до конца? – нетерпеливо спросил Павел Петрович.

Саша ухмыльнулся:

– Э нет. На следующий день я только лишь спустился, подобрал свою отсыревшую одежду, вернулся с ней наверх. Посидел, попил чаю. Потом опять полез.

Повторилось всё то, что было вчера. Ну кроме того, что я не ломился в панике наверх. В тот день я ходил через грань ещё три раза. Но дальше не сделал ни единого шага в темноту.

В последующие дни я ещё, наверное, сотню раз проходил через раздел туда и обратно. Каждый раз делая на один шаг больше. Убегая назад, чтобы постоять в свете и отдышаться. Я пробирался на ощупь в прямом смысле. Ощупывая пол, стены, потолок.

Добрался до лестницы наверх, поднялся в подземный зал, нашёл скобы, вбитые в стены и ведущие на поверхность. Тогда я ещё не понимал, что иду по тому же самому пути. Поднялся в свою собственную мастерскую. Тогда я думал, что пробрался в какое-то помещение в соседнем доме, хотя по геометрии, осознанной на ощупь, и видел уже их абсолютную идентичность.

И вот через несколько дней, добравшись, наконец, до своего кабинета, я нащупал выключатель, включил свет и увидел старый шкаф, точь-в-точь как у меня. Внутри были совсем ветхие древние сюртуки, сорочки и брюки. На полке рядом лежало исподнее. На другой полке я нашёл золотой перстень с красным восьмиугольным камнем.

Как есть, голышом, я отодвинул засов, открыл дверь и вышел в зал. Нагромождение ящиков тоже заставило меня задуматься. У себя я их разбил больше сотни и сразу увидел, что здесь точно такие же, один в один, дореволюционные ду-

бовые ящики. Я пробрался к входной двери, прислушался, отодвинул засов, приоткрыл дверь и глянул в образовавшуюся щель. Почти тут же я открыл дверь сильнее, высунулся наружу, прикрывая ею наготу, ну и так и замер.

Я всё смотрел, смотрел на улицу. Потом захлопнул дверь, закрыл засов и убежал обратно в кабинет, захватив по пути один из ящиков.

Ближайшие полчаса, наверное, я сидел голым на пустом ящике, молча глядя на входную дверь, за которой увидел знакомый мне двор, наполненный незнакомыми машинами, деревьями, людьми.

Ответы

После тоста за здоровье Саша продолжил:

– В тот же день я вышел на улицу. Не стал откладывать. Бояться нечего: светло, люди на первый взгляд обычные: без щупалец, сквозь стены не ходят. Я натянул на голое тело брюки и сорочку, вынул ключи, торчащие в замке, запер за собой и пошёл на прогулку. Ботинки оказались сильно велики и прямо болтались на ногах. Впрочем, как и брюки, которые пришлось подвернуть. При всём при том одежда эта довольно тесна. Не мудрено: хозяин её был худощав. То, что вещи были так убоги, почти истлели, было даже на руку. Это я потом уже понял. Странно бы я смотрелся в роли щёголя конца девятнадцатого века на московской улице середины века двадцатого. А так я выглядел как неопрятный работяга,

поленившийся переодеться после смены, или спешащий на калым грузчик, обрядившийся в чужое старьё не по размеру, которого не жаль.

Пройдя по улице немного, я присел в скверике на скамейке, да и сидел так до самых сумерек. Просто сидел и наблюдал за людьми вокруг. Мне, конечно, было понятно, что вокруг те же самые дома в основной массе своей. Те же улицы. Помню, ко мне даже подошёл милиционер. Вежливо представился, поинтересовался, кто я и отчего так долго сижу на лавке. Всё ли у меня в порядке. Я улыбнулся ему самой лучезарной улыбкой и классическим литературным языком доложил, что комсомолец, что отработал смену на стройке (тут я неопределённо махнул рукой за спину), что сильно устал сегодня и вот, пользуясь погодой, дышу воздухом и отдыхаю, а заодно размышляю о предстоящей программе по аспирантуре. Милиционер тоже улыбнулся в ответ, похлопал по плечу, сказал: «Отдыхайте, отдыхайте», отдал честь и неспешно пошёл дальше.

– Комедиант, – добродушно ухмыльнулся Павел Петрович. – Да знаешь ли ты, что такое комсомольские стройки?

– Ещё как знаю. Я изъездил полСоюза за два года. Был на ударной комсомольской стройке на Волжской ГЭС. Целый месяц, – невозмутимо ответил Саша.

Собеседник даже опустил обратно на стол поднятую было бутылку после этих слов.

– Ну знаешь... Поразительный ты всё-таки человек.

– Ну так вот, – продолжал рассказчик, не обращая внимания на комплимент. – Я посидел ещё немного, потом мне вдруг взбрела в голову мысль: а вдруг подземный переход сквозь время не постоянен. Ну знаете, как в кино: открываются в определённые дни при совпадении определённых условий. Когда Луна в Меркурии и при этом урожай свёклы в центрально-чернозёмном районе выше прогнозов Наркомзема. Я испугался, что врата могут закрыться и я останусь здесь навсегда.

Саша от души рассмеялся.

– Да. Тогда меня это пугало сильнее, нежели сейчас... Я вскочил с лавки и опрометью побежал обратно. Зашёл к себе, закрылся изнутри и полез было уже в колодезь, не выключая свет. И тут мне пришла в голову идея. Может, это я только с той стороны ничего не могу пронести сюда – даже крестик снимать приходится. А если в обратную сторону попробовать? Получится захватить с собой сувенир из прошлого? Я вылез обратно, взял с полки перстень, зажал его в кулак и затем уже отправился в подземелье, не закрывая крышку. Через несколько минут я стоял на глиняном полу в середине коридора между колодцами и между эпохами, смотрел на горящую впереди лампу переноски и всё так же сжимал пустой кулак.

Вернувшись обратно, подобрал одежду и перстень. Поднялся в кабинет и убрал всё в шкаф, как было. Кладя кольцо на полку, я увидел под слоем пыли бумагу, до того мной

не замеченную. Это был совсем пожелтевший листок с чуть заметной, поблёклой чернильной надписью. Я взял записку в руки, подошёл под свет и прочёл:

«Дорогой невѣдомый другъ. Не знаю въ какомъ времени вы найдёте эту бумагу. Если вы ещё не были въ подвалъ – спуститесь туда и пройдите черезъ подземный ходъ. И кто знаетъ? Можетъ даже мы встрѣтимся. Ну а если вы явились оттуда, то знать увидѣться намъ не суждено. Понимая сложность положенія вашего, оставляю сѣй перстень. Продайте его для подспорья дней первыхъ (и да простить меня А.С.). Я же спѣшу навѣки оставить эпоху, для которой сталь совсѣмъ чужимъ. Вѣрю, что суждено свыше читать строки сіи челоуѣку достойному. Владѣйте отнынѣ. Искренне вашъ, Н.Г. 1921. P.S.: Посмотрите, что тамъ за шкафомъ».

Написано было дореформеннымъ письмомъ, с ять.

– Кто это Н.Г.?

– А подумайте на досуге, – подмигнул Саша. – Перстень этотъ я действительно продалъ одному любителю антиквариата за хорошие деньги, какъ мне казалось. Потомъ уже, понявъ кто такой А.С. и что это за кольцо, конечно, пожалел, что не сохранилъ драгоценность для потомковъ.

На вырученное с продажи я смогъ обзавестись приличной одеждой, покупать еду и самое главное, передвигаться по всей странѣ и смотреть, смотреть, смотреть... Потом, когда средства подошли къ концу, придумалъ новый способъ брать необходимые деньги. Помогъ ипподромъ.

– Ах ты аферист, – рассмеялся Павел Петрович.

– Только для жизни, не более. Иначе бы давно попался на глаза. Я, кстати, часто думал о том, что меня, в конце концов, кто-то да вычислит. Только считал, что это произойдёт здесь, в пятидесятых, а выяснилось, что самым бдительным оказался человек из моего времени...

Вот так я стал путешествовать в прошлое. Каждый раз, возвращаясь назад, я попадал во временную точку, которая отстояла от прошлого посещения ровно на тот промежуток времени, что я провёл в будущем. Ну то есть, если я уходил в прошлое ровно в час дня по нашему времени, то попадал в прошлое в тот же час по местному. Пробыв здесь пятнадцать минут и вернувшись домой, я видел на часах пятнадцать минут второго. Между выходом из прошлого и входом в будущее всегда один и тот же точный промежуток времени. Тот же самый промежуток и при путешествии в обратном направлении. Поэтому невозможно пройти в одну и ту же точку в прошлом. В первый раз я попал сюда в тысяча девятьсот пятидесятом. С тех пор минуло два с лишним года и там, в будущем, и здесь.

Саша замолчал, рассматривая Павла Петровича, задумчиво изучающего свою тарелку.

– Осознаёте? – спросил он его.

– Пытаюсь... Слушай, а здесь можно купить сигарет?

– Вряд ли. Вот папирос точно можно.

– Не возражаешь?

– Да травитесь на здоровье. Здесь можно курить прямо в ресторане – вам принесут пепельницу.

Раскрыв меню на странице с табаком, Павел Петрович долго изучал ассортимент и в итоге заказал пачку папирос «Посольские» и коробок спичек. Саша же, с сомнением глядя через столик в книжицу, в итоге всё-таки попросил себе сигару «Погар».

– Тоже потравлюсь, пожалуй, – оправдываясь, сказал он. – Я вообще-то терпеть не могу, когда курят в помещениях, в машине или в самолёте. Вот в этом наше время точно уж лучше.

– За сим преимущества исчерпаны? – спросил старик, с наслаждением прикуривая папиросу.

Саша не ответил, рассматривая черную коробочку на одну сигару с витиеватым золотым узором.

Они курили молча, не глядя друг на друга, размышляя каждый о неожиданной своей компании в необыкновенном месте. Пряный, сладковатый дым сигары смешивался с древесно-ореховым дымом папиросы, после чего этот медленно выходящий купаж поднимался к потолку и исчезал.

– Хорошая, однако, вентиляция здесь, – заметил молодой из мужчин.

– Откуда же взялся этот тоннель?

– Я не знаю. Но судя по всему это не случайная дыра, как в фантастических книжках. Кто-то создал её. Какой-то человек. Может, тот, кто подарил мне перстень, а может быть,

кто-то до него.

– Почему ты так решил?

– Закономерности. В природе нет понятия круглых чисел. А здесь выбран шаг ровно в семьдесят лет. Плюс одно и то же время дня здесь и там. Эдакая синхронизация по полуночи. Наверное, это сделано было просто для удобства путешественного.

– Разумно... – промолвил старик. – То есть уходя из двадцать первого века первого января, ты всегда попадаешь в первое января в прошлом...

– Нет, не всегда. Если бы в каждом году было одно и то же количество дней, то так бы оно и было. Но есть ещё високосные года. Они дают сдвиг на один день. Но потом всё выправляется. Разница между прошлым и будущим всегда 25567 дней. Или семьдесят лет.

– А если человек из этого времени, из пятьдесят второго года, войдёт в колодец, то куда он попадёт? В прошлое на семьдесят лет назад или в наше с тобой будущее?

– В будущее. Представьте себе баржу, идущую по Волге. Река – это время. Длинная баржа, которую несёт вода – это временной переход. Длина баржи – семьдесят лет. Мы стоим с вами на носу баржи. Это наш с вами двадцать второй год. Это настоящее, которое можно изменить, выбрать путь следования. Пользуясь тем, что кто-то очень умный и талантливый спроектировал и построил на верфи наше судно, мы можем пройтись от носа до кормы и очутиться на семьдесят

лет в прошлом. Пройти обратно – вернуться в родной двадцать первый век. Наполовину пройдя под Костромским мостом, мы можем побежать обратно: и вот он опять уже приближается к нам, опять заслоняет нам небо. Но мы точно пройдем вновь под ним, потому, что под ним прошёл нос баржи... Вот если бы мы плыли с вами на надувных матрацах, то никуда бы вернуться не могли. Только бы лишь крутились на поверхности, увлекаемые потоком времени. Приближаясь к тысячам других таких же пловунов, сталкиваясь и расходясь. И в определённый момент были бы выброшены на берег. Ну или сползли со своих ненадёжных плавсредств, да и пошли бы ко дну. Есть только одна точка с настоящим – это нос корабля. Всё остальное в прошлом.

– Понял, почему мы с тобой сошлись, – покачал головой Павел Петрович. – Ты тоже любитель аллегорий... А что там со шкафом? Зачем про него упоминалось в записке?

– Это очень интересная штука... – Саша поморщился, увидев, что пепел с сигары обвалился. – Очень интересная. Первым делом я попробовал передвинуть его – ничего не вышло. Потом стал простукивать заднюю стенку, но она оказалась очень толстой. В итоге через некоторое время я нашёл спрятанный рычажок, открывающий дверь в потайную комнату за шкафом. Длинную потайную комнату со множеством пронумерованных ячеек с дверцами. Все они были пусты. Я целый день потратил, чтобы облазить каждую с фонариком.

– И для чего они?

– Они? Это почтовая служба из прошлого в будущее. Срок доставки семьдесят лет.

– Поясни, – не понял старик.

– Поясняю. Я ничего не могу пронести через подземный переход. Но я могу оставить что-то в какой-нибудь из ячеек с определённым номером здесь, в прошлом, и, вернувшись, забрать там, в будущем. Вещь будет лежать взаперти семьдесят лет с того момента, как я положу её на полку, до того момента, когда заберу её, потратив несколько минут на то, чтобы пройти сквозь эти года.

Павел Петрович молчал, размышляя.

– Ну а зачем тогда такое множество полок? Почему бы просто не оставлять на столе в кабинете? Приносишь в прошлом в свой магазин, оставляешь на столе, возвращаешься в будущее и забираешь.

Саша улыбнулся:

– Всё, чему суждено сбыться в прошлом – сбудется. Всё, что было – будет. И ничего нельзя изменить. Вы хотите знать свою судьбу? Хотите знать точно, сколько дней осталось вам? Точно знать, что ждёт вас? Даже бабы, идущие к гадалке, не хотят. Тут похожая ситуация. Все посылки, которые я отправил и отправлю ещё себе в будущее, оставь я их в кабинете, были бы обнаружены мной сразу же, когда я впервые вошёл туда два года назад, получив «наследство». Тот, кто создал когда-то потайную комнату, руководствовался как раз этими же эмоциями и соображениями. Понимае-

те?

Старик кивнул.

– Все вещи я складывал по порядку на каждую полку, начиная с первого номера. Поначалу не ценя особо места, а затем уже трамбуя от души. Чтобы ни одного кубического дециметра не пропадало впустую. С вашей ракетой я дошёл уже до тридцать седьмой дверки. Следующую посылку я положу в тридцать восьмую.

– И что? Ты никогда не заглядывал в остальные «запретные» номера у нас в будущем? Те, куда ты ещё ничего не клал?

Саша помолчал немного, положил, не погасив, сигару на угол хрустальной пепельницы и посмотрел на собеседника уже без своей обыкновенной своей улыбки.

– Заглядывал. Один раз я напился там, у нас. Накатило, знаете, что-то... Нелегко даётся контраст времён. Напился и принялся открывать ящики один за другим. Начиная с последнего. Девяносто восьмой: ничего. Девяносто седьмой: тоже. Девяносто шестой, девяносто пятый... Пусто, пусто, пусто... Я прошел с полтора десятка, когда заставил себя остановиться. Наверное, мой предшественник однажды всё-таки сорвался, пооткрывал все до единой, а потому и ушёл навсегда в прошлое. В свой тысяча восемьсот пятьдесят первый.

– Ну а зачем ты таскаешь такие непрагматичные товары? Вместо советского ширпотреба ты бы мог отправлять в бу-

дущее гораздо более ценные вещи. Предметы искусства или драгоценности.

– Эх, Павел Петрович... Для чего? Чтобы покупать там, у нас, шикарные машины и квартиры? Чтобы обладать кучей красоток? У меня есть гораздо большее. У меня есть то, чего не купить ни за какие деньги. Моя большая, великая и пока непобедимая страна. Денег, которые мне приносил магазин там, в двадцать втором, мне с лихвой хватало, чтобы содержать и себя, и родителей. Советским ширпотребом я занимаюсь потому, что он мне нравится. Потому, что я держу в руках не пластиковую штамповку, не видевшую людей на всей цепочке своего создания, а предмет, в который вложена душа инженера, художника, сборщика... Тут вы были правы, когда приходили ко мне позавчера. А ещё я хочу поделиться этим всем. Когда я вижу у себя в магазине человека, благоговейно держащего в дрожащих руках «Штурманские» часы Кировской фабрики, то готов отдать их ему за бесценок. Но это не всегда так. Когда на пороге моём появляется вальяжная особь, отыскивающая «атмосферную винтажную вещьцу для интерьера», то беру с неё три шкуры за пустяшную детскую юлу. Мне очень хочется поделиться в той нашей заблудшей стране хоть малой крупичей того, чем меня одарила судьба.

Гул ресторана катился по залу, взрываясь у столов смехом и хмельными тостами, словно плещется беспокойная морская волна, набегая на большие прибрежные камни, вызы-

шающиеся над водой. И только над небольшим столиком в самом углу, будто в заводи, царила ровная, спокойная тишина.

Двое мужчин сидели молча и просто курили. Из состояния этого их вывел официант, вынырнувший из общего шума и поставивший на стол две дымящиеся тарелки с большими цельными кусками мяса на широких шампурах, закутанными жировую сетку.

– Долой мысли, домыслы и прочие размышления! – к Саше вернулась его обыденная весёлость. – Забудьте о всех невзгодах, тревогах и дилеммах. Нас ждёт величайшее из кулинарных произведений всех времён! Наслаждайтесь...

Через пару часов по ночной зимней Москве, залитой тёплым светом жёлтых фонарей, неспешно шли двое мужчин, разомлевших после ужина и выпитого алкоголя.

– Почему ты мне всё рассказал? – спросил старший. – Почему поверил мне?

– Потому что главной вашей целью было не любопытство, не обогащение, а желание увидеть мать.

– Знаешь, что, Саш, – проговорил старик после небольшого раздумья. – Оставь меня здесь на неделю. Не хочу сейчас возвращаться. Ты не беспокойся – я не пропаду. А коли пропаду, то так тому и быть должно – сам же говорил. Невелика потеря. Ну а первого января можем встретиться. Сходим куда-нибудь. Отметим новый 1953-й. Ты где Новый год собираешься встречать? Здесь или там?

– Там. С родителями. И с девушкой своей.

– Она ничего не знает?

– Нет.

– Никогда не хотел рассказать ей, что бываешь в прошлом?

– Хотел. Хотел рассказать, что бываю в будущем.

Павел Петрович даже остановился от удивления.

– Она живёт здесь?

– Здесь. Я вас познакомлю.

– Ты меня поражаешь, – развёл руками старик.

Молодой человек достал бумажник, раскрыл его, посмотрел внутрь, закрыл и отдал Павлу Петровичу.

– Вот. Возьмите. Встретимся тридцать первого.

– Спасибо, – смущённо убирая кошелёк в карман, ответил тот. – Приду к тебе на конспиративную квартиру утром. Ты сейчас куда? Возвращаешься?

– Нет. Вернусь завтра. Ну, бывайте! Аккуратней и не сойдите с ума, – Саша пожал руку своему спутнику и направился в сторону метро.

31 декабря

Утром тридцать первого декабря 1952 года сутулый пожилой человек остановился у деревянной двери, окрашенной местами облупившейся зелёной краской. Он постоял некоторое время, собираясь с духом, затем снял перчатку с правой руки, быстро и воровато глянул по сторонам, мелко и

неумело перекрестился и только тогда негромко постучал.

– Входите, Павел Петрович, открыто! – раздался изнутри приглушённый тяжёлым дверным полотном крик.

Старик вошёл внутрь, закрыл за собой и потоптался на пороге, сбивая с ног снег. Из-за башни из ящичков показалась довольное, улыбающееся лицо.

– А мы вас уже заждались!

– Мы? – спросил Павел Петрович, закидывая шапку и перчатки в ближайший ящик. – Ты со своей девушкой?

– С невестой. Пойдёмте, я вас познакомлю.

Они прошли в кабинет, откуда пахло мандаринами, шоколадом и чаем. Запах сопровождало чуть слышное шуршание фольги – «золотинки», как говорила Лиза, да похожий на глухой скрип мокрого снега, хруст ножниц по разноцветному картону, из которого девушка вырезала гирлянду в виде флажков, для украшения такого несимпатичного логова своего жениха.

Мужчины остановились в дверях.

– Павел Петрович. Лиза, – представил Саша.

– Здравствуйте, Лизонька! – старик с улыбкой поцеловал руку поднявшейся из-за стола девушке. – Сашка мне о вас рассказывал.

– Что он вам наговорил там? – спросила девушка. – Что замучала его и что не знает, как сбегать? Будете чаю?

– Конечно. А если ещё угостите вашей превосходной шоколадкой, то благодарность моя не будет знать границ.

– Садитесь к столу, пожалуйста. Я сейчас налью. Угощайтесь всем, что видите. Правда, шоколад-то у нас самый обыкновенный.

– Дело в том, Лиза, – вступил в диалог Саша, – что Павел Петрович только недавно прибыл из далёкой экспедиции и так соскучился по нормальным продуктам и сладостям, что ему и «Кис-Кис» сейчас величайшим лакомством покажется.

– Надо же! А где вы были? Расскажите, расскажите, расскажите! – затараторила девушка. – Кем вы работаете? Вы геолог?

– Антрополог... – ответил гость, немного смутившись. – А был очень-очень далеко. На далёком северном плато. Вы про такое и не слышали.

– Что вы там интересенького нашли? – не унималась девушка.

– Изучал возможность влияния интеллектуального развития древних людей на формирование центров принятия решения их потомков. В общем, занимался ерундой в своё удовольствие за казённый счёт, – рассмеялся старик.

Саша стоял, облокотившись на шкаф, ухмыляясь и сцепив на груди руки. Он был удивлён. Ему не приходилось ещё слышать смех Павла Петровича. Он подумал, что рядом с весёлой Лизой даже такой одеревеневший сухарь, такой угрюмый дед, как его товарищ, вдруг превращается в жизнерадостного дедушку.

Они попили чай, Лиза принялась мыть посуду и убирать со стола.

– Какие планы на день? – спросил Павел Петрович.

– Мне сейчас нужно съездить в институт и забежать в общагу. А потом мы с Санькой идём кататься на коньках. Я хочу на Чистые пруды, а он на Петровку зовёт. Пойдёте с нами?

– Лиза, у Павла Петровича дела ещё сегодня, – прервал её Саша.

– Поняла, умолкаю и удаляюсь! – отрапортовала девушка, закрыв кран и вытирая полотенцем руки.

Она быстро оделась, чмокнула своего жениха и убежала, что-то неразборчивое крикнув на ходу. Мужчины остались наедине.

– Весёлая она у тебя... – задумчиво глядя на дверь, сказал гость.

– Есть такое. На самом деле она очень волнуется. Я сказал ей, что сегодня мы идём знакомиться с моими родителями.

– А её родители где?

– У неё только бабушка в деревне под Свердловском. Она взяла с меня слово, что после сессии мы поедем её навестить.

– Понятно... – Павел Петрович барабанил пальцами по столу. – А как называется деревня? Я там частенько бывал одно время в Новоуральске.

Саша ответил, начиная немного раздражаться странному поведению старика. Чудной он какой-то сегодня. А может, и вправду не выдержал разум такого потрясения?

Усмехнувшись, словно разгадал Сашины мысли, тот встал со стула.

– Пойдём-ка, Сань, прогуляемся немного.

– Пойдёмте, пойдёмте. Расскажите устно сочинение на тему: «Как я провёл предновогодние дни в стране советов».

Они шли по морозному, разноцветному городу, суетливо заканчивающему свои хлопоты и спешащему к заветным своим домам. Туда, где вовсю идёт подготовка праздничных блюд, где звенит детский радостный смех от счастья обладания незатейливыми игрушками, где уборка в ожидании гостей, где сплошной дым и пар на коммунальных кухнях, на которых соседи поздравляют друг друга, обнимаются и спешат помириться те, кто был в ссоре.

Вот мимо по улице прокатилась хлебозовка ГАЗ-51 с маленькими красными флажками на зеркалах. Вот пробежала мимо компания молодёжи с гармонью. Кружащаяся, румяная, шумная. Всё так просто, незатейливо и искренне.

– Ты знаешь, я совсем не насладился городом за эти дни, – сказал Павел Петрович, обернувшись и провожая взглядом повторяющийся и затихающий мотив гармонии.

– Ну, у вас будет ещё возможность. Вы ведь хотели остаться здесь навсегда. Не передумали? Не тянет к благам земным порядка другого? Не соскучились по делам зимы иной? – Саша, улыбнувшись, посмотрел на своего спутника.

– Не передумал. Мне, конечно, ещё нужно будет вернуться, кое-что уладить. Не люблю оставлять незавершёнными

даже бессмысленные начатые дела...

Павел Петрович резко остановился и повернулся к Саше, схватив его за локоть.

– Мне нужно с тобой поговорить. Я не знаю, как ты восприимешь то, что я тебе скажу, но это очень важно для меня. И не только для меня.

– Ну давайте поговорим, – успокаивающе ответил молодой человек, – я не против. Где-нибудь сядем?

– Нет. Давай вернёмся туда... В двадцать второй.

– Я планировал только вечером. С Лизой. Надо её ещё как-то подготовить, объяснить что-то... – Саша, уперев руки в пояс, зажмурившись, посмотрел на небо. – Зачем возвращаться? Чего здесь-то нельзя?

– Нельзя, – спокойно и твёрдо ответил старик. – Это связано с тем, где я был последние дни.

– Заинтриговали... Ну что же. Пойдёмте прыгнем в другое столетие.

Товарищи молча повернули назад и уже через полчаса сидели в помещении элегантного антикварного магазина, в креслах за лаковым журнальным столиком. Точь-в-точь как в день их знакомства.

– Налить вам чего-нибудь? – спросил хозяин, мысленно ругая Павла Петровича за старческое меланхолическое упрямство.

– Я написал своему водителю – он сейчас кое-что подвезёт. Сделаю тебе новогодний подарок. Ну и себе тоже, – от-

ветил тот. – А! Вот как раз и он.

В магазин, чуть слышно поздоровавшись, вошёл молодой человек. Пожав мужчинам руки, он поставил на стол маленький деревянный ящичек, весь чёрный от времени.

– Серёжа, езжай пока, – обратился к водителю старик. – Я через час-полтора позвоню тебе. Свозишь меня в пару мест. Не расстраивайся – потом будешь свободен надолго.

– Да я не расстраиваюсь. Что вы, Павел Петрович, – проворчал водитель.

Дверь за молодым человеком аккуратно закрылась, и в комнате наступила неловкая своей неуместностью в предновогодний день тишина.

– Ну-у? – довольно грубо прервал молчание Саша.

– Давай-ка сначала выпьем, а уж потом перейдём к большому разговору, – ответил старик, пододвигая к себе ящичек.

– Да нешто мы против... Только желательно, чтобы этот самый большой разговор был не до самого Нового года.

Павел Петрович открыл ящик и достал грязноватую, неровно отлитую бутылку, запечатанную сургучом. Рядом в коробке лежал конверт с вензелями, лентами, тоже с сургучной печатью, который он бесцеремонно отбросил в сторону.

– Я долго хранил её, – сказал старик, сбивая перочинным ножом сургуч с горлышка. – Всё думал: вот настанет какой-нибудь торжественный день и уж тогда. И если бы не встреча с тобой, то этот торжественный день был бы днём

моих похорон, а бутылка эта досталась бы Серёге. Ну а когда, если не сегодня? Раз уж я решил отправиться на пмж в прошлое... Это дофиллоксерный коньяк середины девятнадцатого века. Подашь штопор? Филлоксера это такая мелкая тля, пожравшая практически все европейские виноградные сорта во второй половине девятнадцатого века. Потом с ней придумали как справляться, прививая европейскую лозу к американскому винограду, имевшему иммунитет к вредителю. Метод сработал, но старые чистые сорта были утрачены навсегда, отчего и вина, и бренди стали совсем другими. Так что мы пьём совсем другое вино, нежели то, чем заливались Атос с Д'Артаньяном. Ты мне подарил прошлое, и я хочу отплатить тебе тем же, хоть, конечно, и в совершенно несоизмеримом масштабе. Но что имеем.

Он разлил содержимое бутылки по бокалам и благоговеино, словно сокровище, передал коньяк Саше.

Они порассуждали ещё о качестве советских коньяков, поделились своими предпочтениями. Павел Петрович выше всего ставил плоды трудов Седракяна, Саша же предпочитал Тираспольские, чем вызвал у собеседника приступ негодования.

– Да вы их и не пробовали-то настоящих! – вскричал Саша, с немым смехом отметив про себя, что вошёл в азарт и начинает кипятиться, серьёзно относясь к спору.

Наконец коньяк надышался, и они в торжественной тишине пригубили напиток. Павел Петрович вопросительно по-

смотрел на своего молодого товарища.

– Нуу... – протянул тот. – Хрен его знает... Нет, спасибо, конечно, за угощение... Но по мне так безумно сухо. Знаете, я думаю, что вся ценность этого напитка не в его божественном вкусе, а в редкости и баснословной цене. Если не знать того, что пьёшь, то даже и не обратишь внимания.

– Это со многим сейчас так. Хорошо не то, что действительно хорошо, а то, что дорого. Не нужно снимать великих картин, ставить бессмертных постановок, не нужно писать гениальных стихов. Надо, чтобы было «дорого». Ну или на худой конец смешно – тогда можно будет продать хотя бы за четверть от «дорого». Вот об этом я и хотел с тобой поговорить... Как ты думаешь, какое будущее нас ждёт?

– Кого нас?

– Нас. Собирательных русских, как общность, как цивилизацию. Какое?

Саша молчал.

– А я скажу тебе. Никакое. Мы погибаем. Медленно, неотвратно погибаем. Засыхаем, как отжившее свой век дерево. А я не верю, что наша история закончилась. Не верю. Нужно что-то менять. Без промедления, срочно менять! – Старик встал с кресла и принялся ходить по комнате, сцепив руки за спиной. – Для нас почти нет спасения. Почти. Шанс, микроскопический, невесомый, всё же есть. Нужно дать последний бой и попытаться спасти страну. Попытаться спастись.

– Чего вы её хороните? В русской истории много раз бы-

ло так, что Россия уже летела в пропасть. Уже погибала. И каждый раз она возрождалась и строила новую империю.

– Знаешь, чего никогда не было? Никогда ещё не было в истории русской такой доли отпрысков, презирающих свою страну и насмехающихся над своим родом. Никогда ещё так мало не значила семья. Главной целью присвоения стал разум, и в первую очередь разум детский. У нас отняли сознание наших детей. Ты справедливо считаешь, что каждому молодому племени свойственно бунтовать, стараться быть непохожими на родителей. Мол, вскоре они повзрослеют, у них появятся свои дети. И они вспомнят, какими были их родители. Они всё поймут и станут такими же. Всё так, если в их прошлом были эти самые степенные, надоедливые, разумные взрослые. Но где сегодня эти поводыри? И на кого оборачиваться, на какие педагогические поэмы и флаги на башнях? Так кто будет возрождать страну и строить империю, Саша?

– Да прекратите вы, – молодой человек раздражённо поставил коньяк на стол. – Это же извечное старческое брюзжание об «измельчавшем всём на свете». «Богатыри не вы» и подобное. А между тем «всё так же мир хорош».

– Хорош? – Павел Петрович уставился на него в негодовании. – Мир западной цивилизации погибает и пытается и нас затащить с собой в могилу. Тянет на верёвочке. А мы ступаем за ним след в след послушно. Где-то внутри затуманенного сознания ещё мечется мысль, ещё вопит где-то чуть

слышный голос, требующий очнуться, скинуть с шеи удавку и биться. Но зреют новые всходы людские, и голос этот всё тише, тише. Тот, кто ведёт нас на убой, всё же боится пробуждения этого исконного народа, дремлющего разума. И для того мы обложены врагом. Нас незаметно конвоируют. Придерживают со всех сторон. Наши соседи, кормившиеся всю жизнь и живущие за счёт России, с наслаждением примутся терзать её плоть, как только она упадёт от бессилия, как только споткнётся. И речь не только о мутировавшей Украине. Вполне себе дружеский ныне Казахстан, например, будет заниматься тем же самым, уверяю тебя.

Пока ещё в стране есть люди, есть корень, от которого в состоянии пойти молодые здоровые побеги, способные оздоровить не только нашу Родину, но и весь мир. Но ведётся неустанная работа над тем, чтобы эти исконные человеки, эти носители не воспроизводились. А что для этого нужно? Правильно: увести из-под влияния ребёнка. И надо отметить, делается это профессионально. И вот уже толпы вполне себе взрослых молодых юношей и девушек, воспитанных на чужой культуре, на иных ценностях, с другими принципами. И вот они возмужали, получили образование и уже они повсюду. Они отвечают за экономику, за информацию в стране. За воспитание следующих поколений. В их руках рычаги и власть. А если завтра война, Саша? Если война? Как мы страну защищать будем? Эта русская самоназванная элита: политическая, финансовая, культурная, переплетённая, из-

мазанная, словно гадюки на змеиной свадьбе, примется плевать в спины своих солдат. И будет это делать не втихаря. Непременно демонстративно, непременно громко.

Нужно использовать опыт людей, которые доказали своими трудами, на что способны. Эти люди в нашем прошлом. Каждый раз, когда народ, обернувшись, принимается с прищуром поглядывать на красное знамя, вылезают наружу десятки экспертов, которые доходчиво объясняют, каким крошечным адом был Советский Союз. Выходит куча роликов популярно-просветительского характера, растолковывающих всю преступную его суть. Снимаются и преподносятся широкой публике слезоточивые сериальчики, повествующие о нестерпимом трагическом бытии несчастных поголовных потомков блистательных белогвардейцев в золотых эполетах под сапогом кровавых гэбистов. Сызмальства, со школы вбиваются в головы детям произведения Солженицына. Плевать надо гуще, смачнее. Топтать решительнее красный тот флаг. Чтобы ни в коем случае, чтобы и подумать не смели. Но при том не забывать гордиться достижениями поруганной империи, стыдливо занавешивая один из главных символов Советского Союза в главный его Праздник, на каждый День Победы. Наша страна, здесь, в будущем, существует ещё только благодаря стране той, празднующей сейчас новый, тысяча девятьсот пятьдесят третий год. И всеми силами пытается унижить, осквернить её. Россия двадцать первого века, обложенная врагами всех мастей, зажата в угол, толь-

ко лишь потому ещё жива, что Лаврентий Павлович снабдил её большой и увесистой дубиной, которую и боится гнилой наш мир. Что советские великие предки наклепали такое несметное количество взрывающихся оберегов, что только это лишь сохранило от уничтожения больное позднее потомство.

Мы должны попробовать спастись. И в твоих руках есть мощнейший инструмент для этого. Твой временной переход.

– И как вы хотите его использовать?

– Очень просто. С помощью него я обращусь к человеку, который в силах что-то сделать. Пусть и через семьдесят лет после своей смерти.

Павел Петрович прекратил своё циклическое блуждание и посмотрел на собеседника. Замерев, два человека смотрели друг на друга и молчали. И тут вдруг Саша осознал, что посреди комнаты его магазина стоит безумец. Человек, потерявший рассудок от пессимистичных размышлений своих о судьбе Родины.

Один

Спустя полчаса собеседники обменялись ролями. Молодой мужчина теперь хаотично расхаживал по комнате, жестикулируя и порывисто выстреливая фразы, в то время как его пожилой собеседник принял на себя роль своего товарища и спокойно сидел в кресле, подперев кулаком подбородок.

– Вы что, всё это серьёзно говорите? – Саша в который раз остановился и грозно взглянул на Павла Петровича. – Какой ещё Сталин?! Он умрёт в марте пятьдесят третьего, и вы с этим ничего не сделаете. Всё, что случилось в прошлом, нельзя изменить. Как вам это втолковать уже? Всё это уже прошло. Настоящее только сегодня. Мы с вами – это настоящее. Мы можем изменить завтрашний день, но ни одного дня из прошедших. Что бы вы ни сотворили, вернувшись, в пятидесятых, сегодня это уже было. Всё произойдёт так, как и должно произойти. Советский Союз истлеет изнутри и в итоге рухнет именно двадцать шестого декабря тысяча девятьсот девяносто первого года. Ни днём раньше, ни днём позже. Нельзя ничего изменить. Будущее можно изменить только сегодня... Знаете, был такой советский писатель, Олег Куваев. Так вот в конце главной книги своей жизни он написал очень верные слова о том, что причина грядущего создаётся сегодня. Очень верные слова. Сегодня и только сегодня.

– Александр, прекрати мельтешить, – спокойно ответил старик. – Сядь, пожалуйста... Я всё это понимаю. Понимаю, что ничего не изменится. Что вплоть до нынешней минуты история с тридцать первого декабря тысяча девятьсот пятьдесят второго года пройдёт так, как ей суждено. Но есть ещё два месяца. Два месяца жизни человека, который один сможет всё исправить в сегодняшнем завтра. Один. Исправить, находясь в далёком прошлом. Сможет заложить бомбу спа-

сения, которая работает через семьдесят лет.

– Как вы это себе представляете? Придёте в Кремль, скажете, что прибыли из двадцать первого века по срочному вопросу к Иосифу Виссарионовичу? Как вы планируете до него добраться? И что скажете? «Товарищ Сталин, вы через два месяца умрёте, а поэтому просьба дать все необходимые распоряжения и инструкции для спасения Отчизны в далёком будущем, о коем я вам сейчас без утайки и поведаю».

– Ты недооцениваешь старого комитетчика. Я уже добрался, – ответил Павел Петрович. – Я уже говорил с ним. И я приводил кое-кого сюда, в наше время. Уж извини, что без твоего разрешения. Нужны были доказательства.

Саша ошарашенно смотрел на своего старшего товарища.

– Приводили сюда? Сталина, что ли?

– Да. Приводил. Только не отца. Сына... Василия. Я когда-то давно читал его книгу «От отца не отрекаюсь», но только теперь понял отсылку в ней к тем пяти часам в две тысячи двадцать втором году. Мы прогулялись с ним по Москве немного. К моему удивлению, ему понравился город. Застроенные торговыми центрами громадные площади. Наверное, так же советским людям нравились картинки с американскими небоскрёбами, узкими улочками и пробками. Потом он читал статьи в интернете, сидя в твоём кресле. Про предстоящую смерть отца, про двадцатый съезд КПСС, про свою незавидную судьбу. Про распад Союза. Это ему уже совсем не понравилось... Я поражаюсь, как стойко, по-схим-

нически он окончил доживал свою жизнь. Умирал так, как должен был умереть... Потом мы всю ночь сидели в Кремле в пятьдесят втором, и Василий рассказывал отцу то, что увидел и что прочёл. Я дополнял, пояснял... Ты знаешь, я думаю, что как раз этот разговор и то, что последует за ним, и убило его.

– И... Что Сталин? Что он вам сказал?

– Он несколько часов слушал меня и сына. Долго и молча слушал рассказы о грядущем. Задавал вопросы изредка.

– И как воспринял всё это?

– Сидел молча с полчаса, пока мы пили чай. Курил. Потом поглядел на меня и сказал: «Значит, у нас с вами есть ещё больше двух месяцев? Если в стране нет силы, нет воли, способной отгородиться от всего полыхающего мира, если мы, русские, сами переродились почти, почти стали иной цивилизацией, не способной выстроить защитную стену, то, значит, необходимо сделать так, чтобы стену эту воздвиг, отгородился от нас, оставшийся мир. И именно в этом направлении нам необходимо работать».

– Вы записывали, что ли? – пробормотал Саша.

– Профессиональная память.

– Ну и как вы этого достигнете? Как вдруг возникнет эта граница? И с чего вдруг она станет спасением? Откуда такая уверенность?

– Нет. Уверенности нет. Сотворив задуманное, мы или медленно возродимся, или быстро погибнем... Но на другой

чаще, если ничего не предпринять, лишь медленная смерть. Без вариантов. Если есть шанс, то его необходимо использовать. Пусть страшно, пусть придётся идти сквозь толпу своих же людей. Предателей или просто боящихся потерять удобный мир. Но это шанс спастись.

– Наш мир несовершенен, я согласен. Но в нём много радости. В нём сложившаяся жизнь. В нём какой-никакой баланс. Вы собираетесь всем рискнуть? Всё разрушить?

– Это не радость, это комфорт. Удобство. Радость истинная для русской цивилизации может быть только от труда и развития. А это нынешнее удобство служит лишь для приглушения разума, которым необходимо управлять. Для уничтожения воли и последующего уничтожения страны.

Саша молчал, уткнувшись взглядом в стол. Затем взял бокал с остатками коньяка, который не хотел допивать, и залпом опустошил его.

– Сталин в нашем веке уже давно перестал быть просто когда-то жившим человеком и превратился в символ желаемой справедливости. Вы же взрослый человек, вы всё понимаете! Что для вас он? Кристальный идеал, который всё делал правильно и поможет через десятилетия? Спаситель и олицетворение добродетели?

– Олицетворение воли. Этого для меня достаточно. Цели его мне понятны.

– Но за его спиной и большое зло...

– Наверное... Но возможно ли было сотворить всё то, че-

го он достиг, без этого зла? Смог бы добродетельный всепрощающий пастырь подготовить страну к Великой Войне за десять с копейками лет, победить тогдашний евросоюз с самой совершенной армией в истории человечества и затем восстановить государство, отстроить из руин?

Собеседники долго и молча смотрели друг на друга. В голове у Саши рождалось множество обоснований, опровержений и доказательных баз для сомнений в исходе. Но в итоге он просто произнёс:

– Павел Петрович, я не дам вам этого сделать.

– Я знал, что ты будешь против, – ответил старик. – Знал с самого начала. Но было бы бесчестно по отношению к тебе всё скрыть. Попытайся понять меня, Сань, и не держи зла. Ты не сможешь ничему помешать уже. В коньяке, который ты выпил, было некоторое вещество. Совсем скоро ты потеряешь возможность управлять своим телом и погрузишься в глубокий спокойный сон. Чем больше будешь сопротивляться этому, тем быстрее оно подействует. Не пугайся. Проснёшься через некоторое время и от действия препарата не останется и следа, кроме, может быть, небольшого головокружения поначалу.

Саша попытался встать и тут же повалился обратно в кресло.

– Кстати, ты не знаешь поблизости работающий магазин одежды? – Павел Петрович с улыбкой смотрел на мутнеющий взгляд товарища. – Ну да ладно, сам найду... Пока, Сань.

Я рад, что судьба подарила мне дружбу под конец жизни с таким достойным человеком, как ты.

Уничтожение

Какой-то далёкий гул. Глухой, еле ощущаемый удар в спину.

Саша очнулся мгновенно, словно человек, проснувшийся от кошмарного сна. Он сел и пошарил вокруг руками, пытаюсь понять в полной темноте, где находится. Кафельный пол, брошенная на него куртка, маленькая подушка с дивана... Вот рука наткнулась на стену. А, нет. Это дверка одной из полок. Он в потайной комнате. Кряхтя, опираясь руками, он поднялся и пошёл к двери. Нашарил рукой выключатель, зажёг свет, неприятно резанувший глаза. Голова действительно кружилась. Чёртов старик приврал насчёт «немного».

Выйдя в кабинет, Саша включил холодную воду в раковине и подставил под струю голову.

Вот же гад... Как он меня! Гэбэшник хренов. Что же он там задумал такое?

В душе всплывало подозрение, превращающееся в страх. Страх вырос в ужас.

Что он там говорил? Не смогу больше помешать?

Схватив со стола фонарик, Саша бросился к лазу, открыл крышку люка и матерно заорал на колышущуюся взвесь из пыли, стоящую в колодце, сквозь которую пробивался свет горячей в подвале лампы.

Почти в падении скользя по лестнице, он слетел в мутный воздух подземелья. На зубах тотчас же появился скрип пыли, заставляя отплеиваться и кашлять. Пыль попадала в глаза, щекотала нос. Но это было не важно. Имел значение только один вопрос: откуда взялась эта сволочная пыль? Подбежав к подземному колодцу, в котором совсем уже ничего не было видно, Саша, не надевая на голову, включил фонарь и, не обращая внимания на раздражающий горло кашель, начал спускаться.

Вот уже дно. Ничего не видно. Под ногами какие-то обломки. Вот вход в тоннель. Три быстрых шага и он, споткнувшись, растянулся на гряде кирпича. Ничего не различая впереди, лишь светящуюся за фонарём красноватую взвесь, блестящую радугой в слезах, катящихся от разъедающей глаза пыли, он полз на четвереньках по осколкам. Всё выше, выше. Пока со всего размаху не врезался теменем в потолок коридора.

Потом, рыча, разгребал завал, откидывая назад обломки исцарапанными пальцами.

Потом просто лежал на нём, уткнувшись лицом в осколки. Долго и молча лежал, кашляя и воя от бессмысленной злобы.

Тут в голову ему пришла мысль.

Саша бросился, наверх. Одна лестница, подземный зал, вторая лестница. Кабинет. Потайная комната.

В тридцать седьмой была ракета... Тридцать восьмая.

Саша, медленно, боясь ничего не увидеть, открывает

дверку с номером тридцать восемь.

В темноте полки лежит сложенный пополам листок. Кусочек бумаги, дожидавшийся в темноте его, Сашу, много долгих лет. И лежавший здесь уже в тот самый день, когда он впервые вошёл в этот магазинчик.

Саша медленно берёт его в руки. Смотрит на линованную желтоватую поверхность. Открывает дверку с номером тридцать девять. С размаху захлопывает, увидев ожидаемую пустоту внутри.

Он выходит в кабинет, валится на стул и раскрывает листок.

По-детски ровные фиолетовые буквы заполняют строки.

«Дорогой Саша. Прости меня, старика, что только сейчас собрался с духом и написал тебе. Для меня с момента нашей последней встречи минуло уже полтора года. Для тебя мы расстались всего лишь утром. За моим окном – лето. За твоим – последний день декабря.

Прости и за то, как грубо обошёлся я с тобой тогда.

Сталин мёртв. Всё произошло так, как и должно было произойти. Как и было. Январь и февраль пятьдесят третьего прошли в титаническом труде. Пока он был жив, нам нужно было проделать громадную работу, чтобы подготовить страну к новой эпохе. Ещё год и четыре месяца я и группа моих новых товарищей заканчивали подготовку к реализации задуманного уже без нашего руководителя. Впереди ещё великое множество задач, которые предстоит решить мне, мо-

им соратникам и множеству людей, которым в моём новом времени ещё только суждено родиться. Все они будут заняты одной-единственной целью: готовиться менять мир с первого января две тысячи двадцать третьего года. Менять то, что мы можем изменить. Будет создана сильнейшая из структур в стране, о которой никто не будет догадываться. Которая просуществует до того самого дня, когда ты прочтёшь эти строки. Даже я ничего не знал о ней в бытность своей службы, хотя о чём-то таком и догадывался, чувствовал, да и слухи доходили.

После того как ты уснул, я перенёс тебя в потайную комнату и почти до самого вечера был занят множеством дел. Ты наверняка очнулся лишь спустя немного времени после моего ухода. Спустившись вниз, в переход, я оставил взрывчатку, немного не доходя до середины. Бомба взорвалась там, в будущем, спустя лишь несколько минут, после того как я в последний раз перешёл через грань. С твоей стороны, наверное, лишь груда мусора: кирпич и обвалившаяся земля. С моей же, ровно посередине, коридор стал заканчиваться глухой кирпичной стеной. Наверное, именно так он и был создан изначально, пока кто-то очень мудрый ни установил в этом месте какой-то прибор. Что-то вроде невидимого, пронизываемого зеркала, отражающего пространство со ступенью в семьдесят долгих лет.

До ухода я успел закончить все свои дела. Два раза бегал между прошлым и будущим. Я даже побывал на даче у твоих

родителей. Я передал им портфель с бумагами на своё имущество, которое отныне принадлежит тебе.

Помнишь, как ты говорил, что это ты сохранил помещение магазинчика в неприкасаемости и сделал так, что он достался тебе в наследство? Ты ошибался. Всё это сделаю я.

Знаешь, я сильно завидую тебе. Ты увидишь то, ради чего мы работали и будем ещё долго и кропотливо трудиться. Ты увидишь плоды наших стараний.

Прощай, Саша. Не держи на меня зла. И дай бог, чтобы у меня всё получилось и то неизведанное, непонятное и непредсказуемое будущее стало прекрасным и для тебя, и для нашей Родины.

С новым 2023 годом! Езжай к своим – тебя уже заждались.
П.П.»

Скомкав письмо, Саша швырнул его на пол и вышел, не одеваясь, на улицу, не погасив свет и не закрыв дверей.

На дачу к родителям он добрался уже в двенадцатом часу. Загнал машину, закрыл ворота и остановился, рассматривая горящие гирлянды на крыльце и на ёлке, которую по обыкновению нарядили на улице.

Последний час последнего года уходящей эпохи. Конец старого мира. Уничтожение... Как быстро станет всё меняться? Когда это начнётся? С чего?

Да не всё ли равно... В его, Сашиной жизни, не случится теперь самого главного. Того задуманного и желаемого. Лиза осталась навсегда там, в толчее уже давно ушедших лет.

Подойдя к дому, он остановился, глядя на светящееся окно с силуэтами родителей, выглядывающих его в темноте.

Заждались...

Он помахал рукой. Нужно быть весёлым, как обычно...

В небольшой комнате было жарко от горячей чугунной печи. На столе блестели пустым стеклом бокалы. Разложенная посуда и приборы ждали подступающего праздника.

– Ну вот, а ты переживала, – сказала Сашина мама, поправив занавеску и обернувшись. – Лизонька, иди встречай своего оболтуса. Ох получит он сейчас от нас с отцом, что скрывал тебя столько времени.

2018.